

Дневник первокурсницы

повесть

Юрий МАКСИН

г. Устюжна

Вологодской области

Всегда ли новое лучше старого — трудно сказать.

Однажды, вынося мусор, увидел рядом с контейнером две стандартные старые тетради: одна — сорок восемь листов, другая — девяносто шесть. Их стремглав перелистывал ветер. Он листал страницы то в одну, то в другую сторону, как будто что-то искал напоследок в ставших кому-то ненужными строчках. Я поднял тетради, чтоб отправить в контейнер, но крупный уверенный почерк шариковой ручкой обратил на себя и моё внимание. И тогда, согнув тетради вдоль, я сунул их стоймя в карман и пошёл домой. А дома положил на полку поверх книг, которые таким же образом появились в моём жилище.

В безжалостные всё-таки годы живём! На свалку в век компьютерных технологий и гаджетов, освобождая для них жизненное пространство, повсеместно выносят не только ставшие ненужными вещи. Это куда бы ни шло, процесс, как говорится, естественный. Но... выносят книги.

Впрочем, нет худа без добра, хотя куда уж дальше. Так, пару лет назад от мусорного контейнера в мою библиотеку перекочевал, в прямом смысле украсив её, изданный в 1960 — 1965 годах синий восьмитомник Блока с дополнительным девятым томом. Новые хозяева старого жилья оказались менее культурными, чем прежние: не знали и не понимали непреходящей ценности этого издания.

Две тетради, конечно, несравнимы с девятью томами Блока, почти сразу после выхода в свет ставшими букинистической редкостью. Но судьба и тех и других в наше время оказалась одинакова, можно сказать, что у них общая судьба.

А потому в один из одиноких вечеров у меня возникла потребность обратиться к принесённым тетрадям, как обра-

шался и к Блоку в поисках ответов на извечные вопросы бытия.

Читая дневник, я увидел, что мы с его автором оказались ровесниками. Возникло такое ощущение, что и учились в одном институте, и даже на одном факультете, и что он, а точнее — она, живёт или жила где-то совсем рядом, в соседних домах. Иначе откуда у мусорных баков могли взяться тетради, так заинтересовавшие любопытный летний ветер?

А может, жила подобная ей девушка много лет назад в моей юной душе... И продолжала жить. И пришло время окончательного прощания.

Страны, откуда родом дневник, давно нет на карте, да и людей таких, какие были тогда, наверно, тоже.

Не знаю, кто решил избавиться от дневника и почему. Вполне вероятно, что его автор уже покинул сей мир, так изменившийся в течение всего одной человеческой жизни. А для наследников исписанные матерью или бабушкой страницы — невелика, видно, по нынешним временам потеря, ведь это не завещание, по которому в одночасье становишься круто богатым. Да и автор — не властитель дум человечества, но он это и сам прекрасно создавал.

3 сентября 1971 года

Говорят, дневники ведут великие люди, гении. Я не гений, и тем не менее сегодняшний день можно считать днём рождения моего дневника. Впрочем, это не совсем дневник, это будет мой разговор с тобой, любимый мой человек. Я буду чувствовать тебя рядом. И ты будешь помогать мне, сам того не зная, увидеть мои ошибки, не дашь мне оступиться.

Знаешь, я понемногу становлюсь москвичкой: читаю на ходу и в транспорте, на ходу жую пирожки, бегу до метро, боясь опоздать в институт, хотя поезда в метро ходят с интервалом всего в две минуты.

Сегодня сделала одно интересное открытие: почти все преподаватели, которые читают нам лекции, ужасно хотят слыть остроумными. Их остроты, надо честно признать, свежи и даже смешны, но они никак не вяжутся с важным видом наших «остряков» и серьёзностью изучаемых предметов.

Люблю сидеть и слушать шум в аудитории

перед лекциями. Я ещё мало знаю студентов нашей группы, но мне интересно наблюдать за ними и составлять для себя мысленно портрет каждого из них.

Дневник будет для меня вроде спасательного круга. В своих письмах к тебе я многого не смогла бы написать из того, что будет здесь, в моей тайной тетради. Хочешь, скажу почему?

Помнишь, когда мы прощались в августе, в четверг, двадцать шестого (вот какая у меня феноменальная память!), это было после чтения писем твоей Валентины, ты имел неосторожность сказать: «Видишь, какие письма писала мне Валентина». И теперь я твёрдо убеждена, что ты меня всё время, пусть невольно, будешь с ней сравнивать.

Я и раньше-то с трудом писала тебе. Мне нужно было потратить уйму времени и бумаги, чтобы написать коротенькое письмецо. Теперь же стало гораздо труднее. Ты любил свою Валентину, а значит, всё, что она ни делала, тебе нравилось. Не могло не нравиться! А всё, что сделаю я, будет уже не так, по-другому. Понимаешь, не так, как тебе нравилось.

Ты не рассердился на эти слова?

Всё же тебе легче. Ты для меня первый. Мне очень здорово с тобой. Для меня ты лучший — со всем, что в тебе есть хорошего и плохого (а в том, что есть и то и другое, нет сомнений, и даже неизвестно, чего больше, только не сердись, пожалуйста). А я для тебя не лучшая, уже была у тебя «самая замечательная из всех».

Если бы ты мог видеть меня сейчас! Глупые слёзы, их ничем не удержишь. Не могу думать о тебе отдельно от неё, вижу вас всегда вдвоём и пытаюсь представить, что говорил ты ей о своей любви. Даже имена у нас с ней одинаковые.

Но это уже малодушие.

Вот всё уже и прошло, только во рту почувствовался вкус крови от закушенной губы.

Ой, бабушка пришла ругаться. Мыслимое ли дело, дитяти в шесть вставать, а времени уже половина первого.

До завтра, родной мой! Спи, пока. Пусть приснится тебе Валентина, только не твоя прежняя, а нынешняя, то есть я. А впрочем, как хочешь. Кстати, имя Валентина означает — сильная, здоровая, бодрящая.

4 сентября 1971 года

Как бы мне хотелось сказать тебе: «Добрый день, дорогой!» Но днём ни на что не хватает времени. Поэтому: «Добрый вечер, дорогой!»

Вчера забыла, вернее, не забыла, а не захотела говорить, что в большой обиде на тебя. Ты, наверно, и не заметил моей обиды, когда уезжала. Не обратил внимания. Я верила, что ничего такого не сделаешь, а ты так нечестно поступил. Теперь вот сама себя стесняюсь. Представь, как горели мои уши, когда вспомнила, где остался след от твоего поцелуя. Вспомнила и не пошла со всеми девчонками нашей группы на медкомиссию. Проще говоря, с неё удрала. А потом бродила по Москве, чтобы только попозже вернуться домой, потому что моя тётя решила пойти со мной в баню, если рано вернусь с занятий.

И всё это случилось по твоей милости. Если бы тот вечер перед отъездом был не последний, то мы бы точно поссорились. Слышишь, я очень сержусь на тебя. Но ты ничего не услышишь и не успокоишь меня.

Сегодня суббота. Сейчас одиннадцать вечера. Скоро в клубе начнутся танцы. А я совсем одна. Мы поссорились с папой. Понимаешь, он накричал на меня. Это очень обидело. Хотя бы за дело, а то просто так, поскольку был немного навеселе и в нём проявилась масса энергии. Ты же знаешь, как от меня достаётся людям в таком состоянии. Я просто не разговаривала с ним, и он разозлился. Но, в общем-то, тебя это не интересует.

Хочу танцевать! Можно пригласить тебя на танец? Уже чувствую, как мы кружимся, а вокруг нас столько музыки! Какая я была глупая! Если бы сейчас появилась такая возможность, то приглашала бы тебя на каждый танец сама, слышишь, я сама бы приглашала тебя, и это доставляло бы мне огромную радость.

У моей тётки большая библиотека. А в ней такие замечательные книги. Здесь и фантаст Александр Беляев, все тома его сочинений; и Вилис Лацис, прибалтийский писатель; и Майн Рид, и все классики русской литературы. Я прямо как в раю среди этих книг. Совсем недавно прочла слова Льва Толстого: «Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться... А спокойствие — душевная подлость».

Эти слова потому так пришлись по душе, что они частично выражают и мои мысли. Есть такое выражение: молодой задор. Так вот, по-моему, это если не самое важное, то одно из самых важных свойств настоящего человека. Я очень ценю в людях презрение к уюту и покою. Может быть, поэтому мечтала стать геологом. В геологах бродит эликсир задора.

Тебе не скучно слушать меня? Ты не заснул от моих «высоких» наивных материй?

Это тебе вместо вместо колыбельной. Спи, усни, моя радость. А я боюсь спать. Во сне опять видела Валентину твою.

Ладно, ладно, не сердись и немедленно разведи брови — пусть разойдутся морщинки на твоём лбу. Одна всё так и не разойдётся. Она у тебя уже на всю жизнь. Скажи, отчего она у тебя?

Спи сладко, мой дорогой человечисце. Завтра воскресенье, и я на всю силу наговорюсь с тобой.

5 сентября 1971 года

И опять только добрый вечер, мой дружок. Видишь, какая я примерная, уже три дня регулярно заполняю свою тетрадь. Это много, если учесть моё непостоянство характера. Мне очень быстро всё наскучивает. Немедленно выкинь мысль, которая у тебя появилась. Слышишь, милый, выбрось её сейчас же из головы.

Знаешь ли ты о том, что навёл ужаснейший беспорядок во мне. С тех пор, как мы встретились, у меня всё идёт кувыркком. Если раньше думала и говорила, что ревность — чувство мещанское, чувство собственника, то теперь у меня, кому сказать, не поверят, она появилась. Я и сейчас знаю, убеждена, что ревность — чувство нехорошее. Но оно живёт во мне, несмотря на все мои старания от него избавиться.

Ну, хорошо бы ещё, если б ревновала тебя (даже слово какое-то некрасивое) ко всем твоим сейчасным Диночкам. Это можно было бы понять нормальному человеку. А то ведь к той, которая была, которая тебе теперь совсем чужая. Глупышка я, наверно, разве бывает ревность к прошлому. Но я же вижу её, понимаешь, вижу, улыбающейся и гордой, говорящей: «Ведь он меня любит».

Рассудком, умом отлично понимаю, что это чушь, ты не можешь любить её, когда она так жестоко с тобой поступила. Но в последнее вре-

мя живу сердцем. А оно разрывается на куски, ему тесно в груди, когда я думаю о твоей Валентине. Может, ты и сейчас любишь её, а мной только заглушаешь эту свою любовь?

Чего только не придёт в голову, когда нет твоих писем! Какое счастье, что у меня есть два твоих письма! Я читаю их каждый вечер, каждую свободную минуту.

Расскажи мне, чем ты сегодня занимался. Читал? Гулял с ребятами? А вечером, наверно, с девчонками? Занимался? Бил баклуши? Чувствуется ли у вас там осень?

Хочешь знать, что я сегодня делала? Была в лесу. Страшно вымокла вся, потому что лил дождь. Про такой дождь говорят: лил как из ведра. Когда вернулась, все домашние на меня сильно ругались. Где им понять, что я ходила к тебе. Ты ведь тоже любишь лес. А мы так и не сходили вместе в наш лес. Как жаль! Я забралась сегодня далеко, по какой-то тропочке узенькой. Удивительно, я же такая трусиха. Но это всё потому, что ты был рядом и мне не было страшно. Я даже вслух с тобой разговаривала.

Здесь облетели все тополя. Для меня они облетели как-то сразу. Казалось, ещё вчера не было голых деревьев, а сегодня стоят одинокие, обнажённые тополя.

Миленький, как мне тебя не хватает, если б ты только знал! Уже третью ночь светит на улице луна. До чего яркая, словно смеётся над нами, дескать, в одиночку на меня лучше любоваться. И так не могу уснуть, а тут ещё это светило прямо в окно заглядывает. А ещё сегодня читала стихи Есенина:

*Ну, целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.*

Честное слово, это его стихи. Но если ты внимательно прослушаешь, то услышишь, что это про меня. О, если б я умела, хотя бы немножечко, писать стихи!

Сегодня целый день думаю, смогла бы, как твоя Валентина, бросить учёбу и вернуться к тебе? Пожалуй, нет. Слышишь, опять твоя Валентина лучше. А я не могу так вот всё бросить и сбежать ото всех занятий. У меня очень развито чувство долга:

поступила — учись. И я сделаю так, чего бы мне это ни стоило. Наверно, живу умом, а не сердцем. Всё, как у пай-девочки, предусмотрено на несколько лет вперёд. Рано или поздно такая предусмотрительность может надоест.

Впрочем, я вся полна противоречий. Наверно, со мной не уживётся ни один человек. Знаю, и ты уже успел почувствовать, что от меня никогда не знаешь, чего ожидать. Могу рассмеяться, когда душат слёзы. Могу сказать: «Люблю», — а через день даже не посмотреть. Помнишь, говорила тебе: «Меня любить трудно, просто невозможно»?

Любить Дин гораздо легче, наверно. Но ты не подумай, к ним я тебя не ревную.

До завтра, любимый!

7 сентября 1971 года

Здравствуй, дорогой мой, любимый мой!

Улыбнись мне, тогда я буду знать, что ты рад моему разговору. Да? Ты ждёшь моих разговоров? Я тебе всё ещё не наскучила? Сегодня ты должен был получить моё письмо и, прочитав его, конечно, недоволен и тоном, и тем, что в нём так мало ласковых и нежных слов. Если бы ты умел читать между строк, то задохнулся бы от счастья. Но ты, к сожалению, не хочешь читать между строк. Не хочешь — не надо.

Я начала читать очень интересную книгу Юрия Германа «Дорогой мой человек». По ней снят фильм с таким же названием. Может, ты его видел? Советую и книгу прочесть.

Есть в ней Степанова Варвара. Любит она одного, в общем-то, замечательного парня Владимира Устименко. Я хочу привести тебе отрывок из письма Варвары к Владимиру: «Знаете, о чём я часто думаю, Владимир Афанасьевич? О вреде гордости в любви, если, конечно, таковая наличествует. Все горести от гордости, от почтительного отношения к собственному «я». А ведь если есть любовь, то «я» превращается в «мы» и обижаться можно только за это «мы», а несколько нельзя за «я». Например, если обидят тебя на работе, в твоём, как ты любишь выражаться, «деле», то я за нас обижусь. Если меня обидят, то ты обидишься за нас. Но я не могу обижаться на тебя, потому что ты — это я, ведь левая моя рука не может обижаться на правую. Непонятно?..

...Помнишь, как ты рассердился тогда на

пристани, когда я сказала тебе, что поцелуи бывают терпкими? Не помнишь, дурачок? А я помню. Женщины всё помнят, если хотят помнить, а если нет, тут уж ничего не поделаешь.

Но я не довела мысль до конца: ужасные недо-разумения в любви, как правило, происходят из этой идиотической, ложной гордости. Разумеется, чувство собственного достоинства, личности обязано существовать, но в той бездне доверия, которое непременно подразумевает настоящая любовь, это пустяки и суета сует. Доверяя мне любовь, ты не имеешь права, идиот паршивый, сомневаться в том, поеду я с тобой к чёрту на рога или не поеду. Если не поеду, тогда, значит, ничего нет, не было и быть не может, и не потому, что поехать с тобой — это значит пожертвовать собою, а потому, что любовь, если только она есть, непременно и с радостью идёт на всё, что способствует её расцвету, и решительно отказывается от того, что мешает ей развиваться нормально. А так как разлука, какая бы она ни была, всё-таки мешает естественной жизни любви, то, следовательно, сама любовь воспротивилась бы нашему с тобой расставанию, и сейчас я бы уже родила тебе девочку с косичками, или мальчика, или и девочку и мальчика, как скажешь!

Оборачиваться надо, вот что!

Всё равно лучше меня никого не найдёшь!

Красивую найдёшь — с длинными ногами! С тонкой талией найдёшь (осиная — читала про таких, только что в них особенного), с греческим носиком, с римским носиком, а меня — фиги!..

...Приезжай!

Я не могу без тебя.

Это нельзя объяснить, но ты обязан понять».

Ты не устал слушать? Какое огромное письмо, да? А я только отрывок написала. До чего же чётко умеют люди выражать свои мысли. Как у них всё ясно. Понял ли ты, зачем я привела это письмо? В книге немало писем Варвары, все они по-своему замечательны, но я выбрала именно это.

Любимый мой, хороших снов тебе. До завтра.

8 сентября 1971 года

Сегодня уже две недели, как мы расстались. Слышишь, уже. За это время ты стал для меня очень многим. Понимаешь, ты всё время рядом. Я просыпаюсь и шепчу: «Доброе утро, родной».

Еду в институт и думаю о тебе, и не вижу ничего вокруг, только ты заполняешь меня всю, ты живёшь внутри меня. Наверно, это смешно: среди хмурых, озабоченных лиц (люди спешат на работу) видеть девчонку, улыбающуюся без всякой на то причины. Часто ловлю на себе удивлённые взгляды. Где им понять, что я вдвоём с тобой и улыбаюсь тебе, моим мыслям о тебе.

Дорога от дома до института длинная. Еду минут десять на автобусе, потом сорок минут на электричке, полчаса на метро, а потом ещё пять минут ходьбы, ну и, естественно, минут пять-десять жду транспорта. За дорогу успеваю передумать кучу мыслей, переживаю заново нашу разлуку. От тебя я увезла тепло твоих рук, нежность глаз. И теперь физически ощущаю прикосновение таких сильных, таких нежных и так любимых твоих рук. Я чувствую, как мой любимый обнимает меня. Даже удивительно, как это люди не видят, не видит папа. Тебе трудно поверить в это моё ощущение, его нужно прочувствовать самому.

Был бы внимательным, тогда бы заметил, что я редко смотрела тебе в глаза. Объясняю ужасно невнимательному дурачку моему, что если бы чаще в них смотрела, то свела бы тебя с ума, страшно мне за твой рассудок. Пойми такую простую вещь.

Эта тетрадь никогда не попадёт в твои руки, вот почему так откровенно пишу в ней. Так-то, глупыш. Ты даже не знаешь, что она существует. Может быть, когда увижу тебя, то расскажу о наших разговорах, но читать тебе их не придётся.

Знаешь, у нас в группе есть парень довольно странный. Идёт вторая неделя учёбы в институте, а он был только первого сентября, всего на одной лекции, и больше не появляется. Самое интересное, что в первый же день он уточнил, за сколько прогулов отчисляются. В прошлом году он учился в МГУ и был отчислен за прогулы. Но, видимо, это его ничему не научило. Бывают же такие люди. И стоило ему снова сдавать экзамены, чтобы опять быть отчисленным.

Родной мой, как хочу я бродить с тобой вместе по московским улицам, по набережной Москвы-реки, хочу, чтобы ты был рядом. Будет ли это когда-нибудь?! Иногда мне кажется, что нет.

Если сейчас же не лягу спать, то неизвестно,

какие ещё мысли придут в мою заполненную тобой голову.

Всё будет хорошо, любимый. Мы же с тобой сильные и умные. Да? Будь спокоен, а я не могу. К сожалению, много причин, мешающих моему спокойствию.

Всё, спать! Впрочем, ты уже должен видеть сны, если не гуляешь под луной с кем-нибудь. Уже два часа ночи. Что снится тебе? Пожелай мне спать без снов, а то опять явится твоя Валентина. Мы с ней никогда не расstaёмся. Получается, все ласковые имена, которыми ты называешь меня, достались мне «по наследству». Интересно бы почитать твоё хотя бы одно письмо к той Валентине.

Всё, больше не мешаю тебе. Спи, спи.

10 сентября 1971 года

Здравствуй, родной.

Я ужасно соскучилась от того, что вчера «не пришла» к тебе. Прости. Плохо себя чувствую. Уже второй день валяюсь в постели с температурой тридцать восемь градусов, голова раскалывается. Ничего не поделаешь — ангина.

Совсем потеряла голос, два слова еле-еле из себя выдавливаю. Сегодня написала тебе письмо. Ты получишь его, но знать не будешь, что бедная девочка подвергается действию всяких порошков и усиленному вниманию со стороны родственников.

Иногда, редко, но всё же думаю: может быть, это не любовь, а увлечение. Как трудно понять себя в семнадцать лет. Я ещё ничего, или почти ничего, и мало кого видела в жизни. Даже что такое любовь, и то не знаю. Могут же другие девчонки целоваться с одним, а потом с другим. А я так не могу, понимаешь? У меня раз и навсегда. Если уже одни губы касались меня, то никакие другие не коснутся.

А что будет, если однажды пойму, что ошиблась, а уйти к другому не смогу и в то же время не смогу лгать и притворяться?

Как просто и ясно всё в детстве, никаких тебе забот и печалей. И так трудно быть взрослой, если ещё совсем-совсем ничего не знаю и не понимаю в жизни.

И у меня от всех этих мыслей на душе кошки скребут. Родной мой, любимый, что будет с нами? Что бы ни случилось со мной, как бы ни из-

менилось моё отношение к тебе, я не оставлю тебя, если только ты сам от меня не откажешься.

Измена. Слово-то какое страшное. И было бы страшно жестоко разбередить твою старую рану.

Чувствую, что сегодняшние мои мысли обижают тебя. Не надо сердиться. Ты же знаешь, мне всё надо разложить по полочкам. Просто очень хочу разобраться во всей путанице своих мыслей. И никто ничего не подскажет, не поможет чем-нибудь, ведь никто не догадывается, что творится в моей душе. А сама я могу рассказать обо всём только Олежеку, моему самому чудесному, самому понятливому братику. Но он сейчас далеко.

Сегодня какой-то нехороший разговор у нас с тобой, вернее, на меня нашли мрачные мысли.

Завтра попытаюсь вырваться из «плена» в институт. Не знаю, удастся ли.

11 сентября 1971 года

Ура! Наконец-то вырвалась из «постельного плена». Была сегодня на занятиях. Чем-то ты занимался в эти дни, пока я болела? Не ёкнуло сердечко, что я больна?

Ну, хватит, что это я всё о болезни да о болезни, как старуха. Сегодня была в кино. Представь себе, ходила одна. Почему-то всегда так получается: фильм хороший и все его уже видели, кроме меня. Всегда ухитряюсь увидеть последней. Так и в этот раз. Посмотрела фильм «Песни моря». В главных ролях — Наталья Фатеева и румынский певец Дан Спэтару. Думаю, догадываешься, о чём я пожалела. О том, что тебя рядом не было. «Песни моря» подняли мне настроение, а то совсем раскисла. Без твоих писем чувствую себя ужасно одинокой.

Ты так и не рассказал мне, как познакомился с Валентиной. Как видишь, я про неё не забыла. Наверно, нехорошо всё время о ней напоминать. В конце концов, ты не виноват, что так получилось. Теперь меня преследует новая мысль. Могла же она дожидаться тебя? И вы остались бы вместе? Тогда ты никогда не заглянул бы в мои глаза и не назвал любимой. Неужели такое могло быть? Сейчас бы вы представляли собой замечательную семью. Она же хорошая девчонка — если уж я об этом заговорила, значит, так и есть. А в том, что ты был бы ей хорошим мужем, не сомневаюсь.

В понедельник в институте трудный день. Пишу про понедельник, чтобы отвлечься от своих «идиотских» мыслей. Много надо и за выходной приготовить заданий. Как ни говорят, что в институте нет строгого контроля за студентами, но постоянно тревожат, да ещё и на дом задают.

Раньше меня всегда окружали подружки, друзья, и я так привыкла к ним. А сейчас мне очень трудно. Правда, и здесь уже появились новые знакомые. Но кто мне заменит мою Татьянку, Алёнушку. Очень скучаю по ним, только вида не подаю. Но в первую очередь не хватает тебя. Ну вот, сейчас зарыдаю во весь голос. Проснутся родственники, начнётся переполох.

Лучше я спать пойду. Уже поздно. Одни мы, полуночники, не спим. Во сне договорим, если встретимся. До завтра, милый.

12 сентября 1971 года

Здравствуй, миленький.

Как гуляешь тебе вчера? Вспоминаешь ли хоть изредка обо мне? Или забыл, что есть такая на свете? Как одиноко без твоих писем! Говорят, когда люди доживают до старости, они начинают жить своим прошлым, воспоминаниями. На старушку я ещё не похожа, а вот тоже развспоминалась. Не знаю, что бы сейчас делала, если бы не было в памяти наших встреч. Это у тебя быстро сглаживаются подробности встреч и разговоров. А я помню чуть ли не все слова и жесты. Помню так, будто всё происходит сейчас.

Посмотри, у колючка выпало два беленьких камушка. Мне бы его беречь, положить подальше, а я ношу не снимая, даже след от него на пальце образовался. Никак не могу с колючком расстаться. С ним ты всё время рядом. Когда сплю, подкладываю руку с колючком под щеку.

Даже разговариваю с ним. Оно как живое для меня. Тебе смешно? Ладно, ладно, смейся, не обижусь. Это и вправду смешно.

Надо же, три комнаты в доме, я на веранде сижу, и всё равно нам не дают остаться вместе. То один придёт, поинтересуется, что пишу, то другой. Нигде покоя нет. Рано села тебе писать сегодня, ещё только одиннадцать. Не сердись, родной мой, любимый, но пойду спать. Папа сказал, что отберёт тетрадь, если сейчас же спать не лягу. Видишь, какая трогательная забота обо мне. Чтобы не скучала, не оставляют меня

одну. Где им понять, что просто умираю оттого, что сегодня воскресенье, а я не могу поплясать. На танцы хочу ужас как!

Миленький, не хочу, чтобы тетрадь попала к кому бы то ни было. Ведь её даже ты не сможешь прочитать. Даже ты, с кем я разговариваю. Когда только увижу знакомый почерк на конверте?

Всё, бегу спать. Но ты не думай, что сразу засну, сначала в мыслях погуляю с тобой. Мы сходим к яблоньке. Потанцуем в клубе.

14 сентября 1971 года

Милый, любимый мой, где ты? Слышишь, моя половинка: я люблю тебя. Сегодня читала записки знаменитого педагога Сухомлинского. До чего удивительный был человек! Его афоризмы можно взять за основу всей жизни. Вот послушай.

«На твоём человеческом пути — камни, которые ты должен убрать, чтобы идущим за тобой было легче. Если за свою жизнь ты не увидел ни одного камня и не убрал его — ты не человек».

«Почему человек ДОЛЖЕН? Весь смысл нашей жизни заключается в том, что мы должны».

«Если ты в детстве счастлив, это значит: кто-то ни на минуту не забывает о том, что ОН ДОЛЖЕН».

«Если ты будешь думать, что тебе все обязаны, и никогда не подумаешь, что ты обязан людям, ты вырастешь хамом и нахлебником».

«Хамство начинается с того маленького неведения, когда человек забывает о том, что ОН ДОЛЖЕН».

Краткость и глубина, правдивость его слов поражают меня. Мне бы десятую часть его умения точно выражать свои мысли. Каждое слово какое-то весомое, ни одного нельзя выкинуть.

Не надоело слушать?

Тебе это тоже полезно узнать. Ты думаешь, что я несерьёзная, а у меня, видишь, какие серьёзные мысли в голове, пусть и чужие. А ещё я прочла у него такой афоризм: «Быть верным, преданным своей любви — это значит оставить частицу себя в любимом человеке». В тебе я её оставила. Чувствуешь ли ты это? Если не чувствуешь, жаль.

Никогда не думала, что можно так тосковать. Я стала сентиментальной дурочкой, или, как мама говорит: «Дурочка с переулочка». Внутри всё

время что-то щемит и замирает. Понимаешь, я раздвоилась. Одна моя половинка во главе с умом живёт как прежде: шучу, смеюсь, учусь, хожу в кино, разговариваю — в общем, всё как раньше. А другая половинка, где властелин — сердце, живёт своей жизнью. В ней нет никому места, кроме нас с тобой. Я же большая мечтательница. Вот эта другая жизнь и строится на мечтах, моих глупеньких детских мечтах.

Обними меня покрепче, мне так хочется положить голову тебе на грудь, миленький, родимый мой.

Я хорошо понимаю, что моё обострённое чувство одиночества пройдёт. Тоска по тебе останется, но её будут заглушать заботы, дела. И пока совсем не втянулась в новую жизнь, мне хочется вернуться к прежней жизни. Ты же знаешь, я всегда куда-то спешила, у меня было множество дел, не терпящих отлагательств, а теперь у меня только занятия в институте да подготовка заданий на завтра. Не привыкла к такой спокойной жизни. Впрочем, это явление временное. Найду себе занятие и постараюсь, чтоб оставалось как можно меньше свободного времени.

Сегодня опять сбежала с медосмотра. Не везёт мне с ним. Врач, который проводит обследование, ещё довольно молодой, около тридцати примерно. Захожу в кабинет, а он мне говорит: раздевайтесь до пояса. Ну, ладно, думаю, не умру же, в конце концов. Сняла блузку. Так ему мало. Целиком до пояса надо раздеваться. Отказалась категорически. Эти врачи — ужасные нахалы и циники. Даже если буду больна, ни за что не хочу попасть нему. Он стал меня убеждать, что, дескать, он меня не съест и всё это пережитки, он и не такое видел. Можно подумать, что мне от этого легче, что он где-то что-то видел. В общем, его «агитация» ни к чему не привела. Он отдал мне карточку и сказал, что на следующей неделе приём будет вести женщина.

И чего это вдруг такое рассказываю, разоткровенничалась, как о самом важном.

Интересно, ты во сне меня видишь или нет? Я тебя редко, но вижу. Сны-то почти не снятся. Сплю без снов, а жаль. Хотелось бы видеть тебя всякий раз. Пожелай мне увидеть тебя. А тебе предоставляю возможность видеть всех, кого только твоя душа пожелает.

Спокойной ночи.

15 сентября 1971 года

Добрый вечер, милый. Сбылись мои мечты. Вот и увидела тебя во сне. Только уж лучше бы вовсе не видеть. Я собиралась к тебе на свадьбу. Долго выбирала подарок и купила куклу в свадебном платье. У неё были длинные белокурые волосы, спускавшиеся на плечи, фата на голове. Принесла тебе эту куклу, а ты рассмеялся и сказал, что я совсем ещё малышка, люблю игрушки. А потом ты повёл меня к невесте. Тут судьба сжалилась надо мной, и я проснулась. Впрочем, жаль, что не увидела твоей невесты.

Обещай мне, если будешь жениться, пригласить меня на свадьбу. Ох, и попляшу я на ней, да так, чтобы каблук отвалился.

За окном осень. Всё оголилось, стало навевать грусть и тоску. Стараюсь не поддаваться осеннему настроению. Сажу сейчас против окна, мне хорошо видны звёзды. Может быть, и ты сейчас смотришь на них. Пусть звёзды расскажут, как пусто мне без тебя. Ну вот, опять заныла. Перечитала сегодня тетрадь и ужаснулась. Одно нитьё. Даже неловко перед тобой. Этак, чего доброго, и сама начну себя жалеть.

Не надо, родной, не жалею, постараюсь больше не жаловаться. И откуда во мне столько нытья, не знаю даже. А гордилась всегда, что во мне столько веселья и жизнерадостности. Как кисейная барышня, раскисла.

Как твои дела? Чем занимаешься? Знаю, что скоро придёт твоё письмо, оно уже, верю, в дороге. Спешит ко мне в руки. Три недели прошло, как я уехала. Неужели? Оказывается, ждатель писем — занятие невесёлое. Ну, ничего, главное, знаю, что оно будет. Остаётся только запастись терпением, что и делаю.

Сегодня очень поздно вырвалась к тебе. А человек я не железный, а обыкновенный, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ужасно хочу спать. Ты прости, что мало разговариваю с тобой.

До завтра, милый.

16 сентября 1971 года

Пишу тебе, а в это время папа мой в командировке в Каменке. Счастливый! Меня бы на его место. Надеюсь посетить сей укромный уголок, который именуется Каменка, во время зимних

каникул. Если ничто не помешает, конечно. Далековато наша Львовщина... Хотя смотря с чем сравнивать. У нас на курсе есть ребята из Алма-Аты, из Новосибирска, даже из Благовещенска.

Хочу в Каменку. Главное, скорей бы Олежка пришёл из армии. Помнишь, только не обижайся, я говорила тебе, что люблю его больше всех на свете. Нам будет с ним весело и интересно. Люблю гулять с ним вдвоём. Он рассказывает во время этих прогулок массу интересных вещей. А какой он выдумщик! У меня не брат, а просто золотой! Единственный такой на всей планете.

Миленький мой, можешь похвалить меня. Прошло столько времени с того дня, как мы виделись в последний раз, а я ещё ни разу не изменила тебе, хотя были соответствующие условия. Меня приглашают довольно часто то в кино, то по Москве побродить, даже на «Волге» покататься. Но я мужественно отказываюсь, потому что где-то далеко-далеко, в неведомой почти никому Каменке живёт один человек, самый для меня дорогой. Ты доволен моей неприступностью?

А у нас опять дождь. Вся Москва обрядилась в пёстрые пятна-зонты. По лужам бесстрашно шагают разноцветные сапоги.

Своего увлечения танцами я не забыла. Записалась опять в хореографический кружок. На следующей неделе первое занятие. Начнутся батманчики: тандю, жете, фондю, сотеню...

Если бы хоть немного таланта, пошла бы в хореографическое училище учиться на балерину. Очень жаль, что ты не любишь балет. Просто ты ещё не видел настоящего балета. Если когда-нибудь возникнет такая возможность, мы обязательно побываем в Большом театре. Мне так хочется, чтобы ты понял балет, почувствовал его необыкновенную красоту и поэтичность. Его ещё называют «поэзией ног». Ни один другой вид искусства не способен, на мой взгляд, так выразить человеческие чувства и переживания, как это возможно в танце.

Ой, тебе же неинтересно слушать мою болтовню! Ну, ладно, больше не буду. Почему-то уверена, что ты обязательно полюбишь балет, но не сразу, а по мере того, как будешь им интересоваться.

Всё, всё. Можешь спать спокойно. Как бы

только от моих разговоров не приснились тебе балерины!

Интересно, а твоя Валентина любила балет?

Вот опять к твоей Валентине вернулись. Лучше пойду спать.

Валентина, Валентина, смогу ли я тебя когда-нибудь забыть?..

Любимый мой, какие блёклые все слова, я не могу найти ни одного, которым могла бы выразить мою любовь.

20 сентября 1971 года

Милый мой, любимый, радость моя ненаглядная, ты не можешь себе представить, какая я счастливая. От меня прямо-таки, как от солнца, расходятся во все стороны лучики счастья. Про такое состояние говорят «искрится от радости».

Я знала, что оно придёт в субботу, самый трудный день для меня, и оно пришло, всё ещё на адрес «до востребования», хотя скоро к тебе долетит и мой точный адрес, где я живу.

Подала паспорт, и женщина выбрала стопочку писем, стала перебирать. Твой конверт я узнала сразу, однажды ты уже присылал в таком конверте, то было первое письмо от тебя. Не удержалась и прочитала письмо прямо на почте. Счастливой улыбки сдержать не смогла. У меня появилось бесшабашное настроение, и не знала, как справиться со своей радостью. Вообрази такую картину. Проливной дождь (говорят, в Москве небо прохудилось. С тех пор, как я здесь, только три дня солнечных и выпало), хмурые лица недовольных прохожих, поднятые воротники плащей, раскрытые зонтики, и девчонка, чуть ли не смеясь, бежит по улице так, словно за ней гонятся, плащ нараспашку, в руке дождевая косынка. Глупо, да? Я перегрелась от счастья, надо же было остудиться.

Ты, верно, думаешь, отчего я не сразу, в тот же день, поведала это тебе? Да и вообще субботу ты не найдёшь в тетради. Дело в том, что в субботу я спать в десять часов легла. В воскресенье мы работали в подмосковном совхозе, убирали свёклу, и нужно было явиться в Москву к месту сбора к семи утра. Ехать мне надо было на первой электричке. А автобусы до неё так рано не ходят, вот и пришлось вставать в четыре утра, идти пешком четыре километра лесом. Темнота в лесу ужасная, а я же такая тру-

сиха. И к тому же снова шёл дождь, правда, не сильный. Ничего, жива осталась.

Получается, и вчера не была с тобой. Нет, не так, я всё время разговаривала с моим любимым, только в тетрадь ничего не записала.

А твоё письмо было со мной, когда шла на станцию. Оказывается, с ним не так страшно. Почему ты не поцеловал меня в конце письма? Не хотел или забыл, или не придавал значения? Радость моя, обними меня так, чтоб косточки захрустели, обними так, как это умеешь делать только ты, так, чтобы я забыла обо всех своих сомнениях, обо всём на свете.

Не рассказать, как люблю тебя. У любви свой особенный язык, её не передашь никакими словами.

Но я понимаю всё, что ты хочешь сказать, потому что люблю, а двум влюблённым легко понять друг друга. Чудак ты мой! Пойми, я не умею писать о любви к тебе. Чем сильнее человек любит, тем труднее ему говорить о своих чувствах. Как просто было бы всё, будь ты рядом. По моим глазам, по стуку сердца ты увидел бы и услышал, как я люблю, люблю, люблю, люблю...

Пишу тебе поздно ночью, глаза слипаются.

А потому так поздно, что была в кино в соседней деревне — километра полтора от дома бабушки. Смотрела фильм «Чемпион». Помнишь, ты мне о нём рассказывал, когда пришёл встречать меня с автобуса, с последнего рейса, когда автобус ходил только до школы и на улице тоже был дождь? Видишь, как я всё помню. Учти это.

И вот ведь какая история. Один раз пришла, а уже знакомиться предлагают. Парень, оказывается, утром на одном автобусе до станции со мной ездит и на одной электричке. Я же витаю в облаках и никаких ребят не замечаю, а он меня заметил. От знакомства отказалась по той простой причине, что не хочу знакомиться. Но вот в чём загвоздка. Каждое утро мне придётся с ним встречаться, а этого не хотелось бы, потому что своими разговорами он будет мешать мне быть только с тобой. В клуб этот, конечно, больше не пойду.

Ой, миленький, родненький, уже два часа ночи. А письмо завтра напишу, ладно? Только не сердись, пожалуйста.

Спокойной ночи тебе, мой самый-самый дорогой изо всех человек.

21 сентября 1971 года

Родной мой, послала тебе сегодня письмо. Сама не знаю, зачем написала его таким насмешливым и едким. Сердце кричит: «Люблю!» А рука выводит холодные, жёсткие слова. Зачем же так, зачем? Самой тошно от моей колочести. Верно мне мама говорила: «Никогда не будут тебя любить». Что видел ты от меня кроме обид? Сегодня к их огромному списку добавилась ещё одна. Снова обидела тебя ни за что. На моём месте кто-нибудь другой написал бы письмо нежное и ласковое. Но если бы я попыталась написать ещё одно письмо, то, боюсь, как бы оно не получилось ещё более жёстким.

Очень-очень скучаю без тебя. Ничего не могу с собой поделаться, никак не могу взять себя в руки, не поддаваться чувству тоски. Вот и злось на себя. Чем ласковее пишу, тем хуже мне становится. Мне хочется сказать тебе о моей любви, а не написать. Понимаешь, я хочу видеть, как вспыхнут твои глаза, услышать, как забьётся твоё сердце от моих слов. А эти проклятые письма лишают меня огромной, ни с чем не сравнимой радости. Никогда не думала, что разлука может приносить физические страдания. Слышишь, мне больно оттого, что мы не можем с тобой быть рядом, что ты далеко от меня. Я совсем расклеилась. Милый, как тесно моему сердцу. Зачем я не рядом с тобой? Какие ужасные мысли гложут меня. Ты думаешь, если не пишу о твоей Валентине, то забыла о ней. О, нет! Ни одного дня мы не расстаёмся. Она бы, наверно, такого письма не написала, да и вообще: сколько любви было в её письмах! А в моих — только холод, холод. Радость моя, сможешь ли ты когда-нибудь понять свою девочку до конца? О, как она хотела бы обнять тебя, заглянуть в твои глаза. Ни один человек на свете не дарил мне столько нежности и ласки. Сколько любви в твоих глазах светилось. Глядя в них, можно было начать вытворять чёрт знает что.

Такой вот парадокс: вдали от тебя люблю тебя больше, чем рядом с тобой. Сейчас мне кажется невероятным, как могла я так долго скрывать свою любовь. Ты даже не догадывался о ней. Если бы не мой отъезд, неизвестно, когда б ты узнал, что люблю тебя. Помнишь, я говорила, что

ты мне до лампочки, а ты злился. Дурачок, неужели не замечал, что держалась я с тобой чуть-чуть официальнее, чем с другими ребятами, насмешничала над тобой больше.

Нет, всё-таки интересно, как могло случиться, что ты полюбил меня — колючую, злую, которая только и делала, что смеялась над тобой?

Когда же ты пришлешь ещё одно письмо? Странно, не успела одного получить, а уже жду другого. Миленький, догадайся сам и пиши чаще. Ты же знаешь, сама об этом не попрошу. Слышишь, догадайся.

22 сентября 1971 года

О, какая я богатая! У меня целых три твоих письма. А в каждом письме столько любви и нежности. Как никогда нужны мне сейчас твои письма. По ночам снятся ужасные кошмары. Помнишь то письмо твоей Валентины, которое не дал мне дочитать, а потом сам рассказал, что там написано? Теперь мне вот это и снится. Просыпаюсь среди ночи от жгучей боли в груди, словно её сдавили обручем. Но ты никогда не узнаешь, как тяжело мне. Её руки тоже ласкали тебя, она целовала тебя. Нет, нет, мне надо гнать все эти мысли подальше, прочь от себя. Они преследуют меня везде, даже на занятиях. Я твержу, что это глупо, какое мне дело до всего этого! Но никак не могу избавиться от тупой ноющей боли. Когда она кончится?

Всё бы отдала за то, чтобы ты меня первую поцеловал и обнял. Наверно, сгорела бы от такого счастья. Милый мой, знаешь ли ты, что моя любовь — моя огромная боль.

Что ты делаешь сейчас? Почему я так страдаю? Может быть, от гордости, от ущемлённого самолюбия: не я первая. Глупо, да? А скорее всего оттого, что верю — два раза любить невозможно. Кого-то из нас ты не любишь. Но кого? Я видела твои глаза, когда ты говорил о ней. А что, если ты меня не любишь? Нет, не думаю, что ты меня обманываешь. Может быть, ты ошибаешься?

Радость, любимый, солнышко моё, как хорошо, что ты не сможешь прочесть этот бред.

Сверху у меня образовалась оболочка, она надёжно укрывает всё, что происходит в моей душе. Девчонка в нашей группе, тоже тёзка моя, опять Валентина, недавно мне говорит: «Уехал

мой друг на неделю, тебе не понять, как я жду его, как это тяжело». Но у неё есть твёрдая надежда, что пройдёт семь дней и они снова будут вместе. А у меня и этого нет, и неизвестно, когда мы с тобой увидимся. А быть может, изменимся настолько, что не увидимся никогда. Жестоко, но и это возможно.

Родной мой, мне так нужны твои письма. Постарайся выкроить время и писать чаще.

Меня преследует мысль, что ты осуждаешь моё поведение в нашу последнюю неделю; боюсь, что ты думаешь об отсутствии у меня девичьей скромности, а может быть, её действительно нет. Наивно, но я всегда считала, что у меня в достатке и девичьей гордости, и скромности.

Куда деться от всех этих мучительных мыслей? Уже начинаю презирать себя за малодушие, за постоянное нытьё. Скорее бы с головой окунуться в дела. Забыть все эти кошмары. Неужели не распутаю клубок своих мыслей, не развяжу узел желаний и надежд?

Стала плохо спать. Пожелай мне доброй ночи, пожелай хотя бы совсем без снов спать. А ты уже, наверно, давно спишь. Если и гулял с кем, то всё равно спишь. Слишком поздно. Никто бы не согласился гулять с тобой так долго.

23 сентября 1971 года

Какое у нас сегодня ослепительное солнце! Совсем как весной — чистое-чистое. И нежно-голубое застенчивое небо. Заулыбались люди, опущены воротники. И только листопад нарушает эту весеннюю картину.

Сегодня выхожу из метро и вижу: у выхода паренёк с букетом ждёт свою девчонку. Она меня ещё на эскалаторе обогнала. Я видела, как она подбежала к нему и он нежно обнял её и поцеловал. Я улыбнулась им, а они в ответ мне тоже оба улыбнулись. Рыбак рыбака видит издалека — так, кажется, говорят. Я бы сказала немного иначе. Влюблённый влюблённого видит издалека.

Неужели когда-нибудь это будет и у нас с тобой. Целоваться на улице я, конечно, не смогу, но как хочется, чтобы меня вот так ждали, радовались, что пришла.

Любимый, о чём ты думаешь сейчас? Так хочется знать о тебе всё-всё, а знаю так мало. Хочу

знать о том, что ты любишь и чего не любишь, к чему стремишься, а что презираешь, считаешь мелким и ненужным. А ещё очень хочу знать, что ты думаешь обо мне, именно думаешь, а не говоришь. У меня есть маленький секрет от тебя. Может, помнишь, ты рассказывал одному парню — Валерке, что было с нами на озере. Ты, наверно, не знаешь, что он мой знакомый и всё мне рассказал, твой отзыв обо мне. Если то, что он говорил, правда, я приятно удивлена.

Вокруг меня строили долго и упорно от тебя ограду. Во-первых, рассказывали с самого начала нашего знакомства небывшие о ваших с Валентиной отношениях. Эта ограда быстро рухнула, когда я услышала обо всём от тебя самого.

Во-вторых, мне всё время стремились сообщить, где и с кем тебя видели. Но меня это тогда мало интересовало. Потом придумали новую версию. «Всё равно, — говорили мне, — ты уезжаешь, он просто так, для времяпрепровождения гуляет с тобой. Смотри, а то догуляешься». Трогательная забота обо мне, не так ли?

От всех этих разговоров я становилась упрямее, мне хотелось самой, без всяких «информаторов», понять, что ты за человек. В первое время нашего знакомства старалась запоминать все твои слова, твою интонацию, а дома вспоминала всё до мельчайших подробностей. До некоторого времени была беспристрастным и безжалостным судьёй, находя в тебе то, что нравилось и что не нравилось.

А потом вдруг всё пошло кувырком. Безжалостный и беспристрастный судья — влюбился. Но об этом я узнала позже. А тогда всё считала дни до субботы, потому что в субботу могла целый вечер проводить с тобой. Когда же наступал желанный вечер, мы непременно ссорились, потому что я злая-презлая насмешница.

И чем больше думала о тебе, тем глубже замыкалась в свою скорлупочку, чтобы ты ничего не узнал и ни о чём не догадался. Ты так и не знаешь, что часто угадывал мои желания. Стоило мне только подумать, помечтать, чтобы ты приходил меня встречать поздно вечером, когда я возвращаюсь с занятий, как ты и в самом деле стал приходить. Другая бы на моём месте радовалась, а я злилась.

Кончились мечты, значит, пора спать.

3 октября 1971 года

Родной мой, ну как же это, а? Я же посчитала все дни. Твоё письмо должно было прийти вчера. Прошло одиннадцать дней, как опустила своё. Четыре дня оно шло к тебе, четыре дня должно было идти твоё письмо, и ещё три дня я дала тебе на раскачку. Моё письмо пришло к тебе, по-видимому, в пятницу или в субботу. В выходные дни я, как человек благоразумный, и не ожидала, что ты возьмёшь перо в руки. Но ещё был понедельник и вторник. Значит, ты обиделся на моё письмо. Любимый мой, ты же всегда всё понимал. Но, вероятно, и твоё терпение не железное. Сколько же можно терпеть незаслуженные обиды! Пожалуй, ты прав. Вряд ли найдётся ещё один человек, к которому я была бы так несправедлива, как к тебе, и который сумел бы всё понять и не обидеться.

И всё-таки верю: письмо будет. Мой характер способен кого угодно вывести из себя. Вот ты немного остынешь и пришлешь письмо, да, мой родной? Ты же понимаешь, что не напишу, пока не получу твоего письма. Жду, надеюсь, верю, слышишь? Поэтому даже не очень расстроилась.

Но как долго ты сможешь прощать, нет, не прощать, а делать скидки на мой характер? Тебе же могут надоесть мои причуды, моя неуравновешенность. И что будет тогда?

А у меня сегодня праздник. Вчера в институте был вечер — посвящение первокурсников в студенты. Нас поздравили как будущих педагогов с праздником — Днём учителя. Мы пели гимн института и дали торжественную клятву советского студента. Волнующая и запоминающаяся картина. В большой аудитории присутствовали студенты физфака всех пяти курсов. Когда мы пели гимн и давали клятву, вся аудитория встала. А потом был замечательнейший, по-настоящему студенческий, праздничный концерт. Много шутили, смеялись, веселились. Закончился вечер, конечно, танцами. Для танцев пригласили вокально-инструментальный ансамбль «Скоморохи». Очень понравился голос Александра Градского.

Я танцевала, наверно, больше всех. Девчонки из нашей группы очень удивились этому превращению тихой, спокойной и в меру веселой студентки, ибо я такова пока на занятиях,

в бесёнка. Где им знать, что моя чрезмерная весёлость от большой грусти и печали. Не знаю, как смогла удержаться, чтобы не разреваться как белуга... Нет, нет, милый мой, виновата во всём я сама, и мне глупо обижаться на то, что нет от тебя писем.

Может, с возрастом поумнею и не буду приносить нам обоим столько огорчений.

Сегодня у нас был воскресник, мы работали на стройке. Нам выдали «первобытные орудия труда», на большее пока рассчитывать не приходится. Лопата стала сегодня нашим верным товарищем, помогла нам преодолеть преграды, которые прораб обозначил на нашем пути. Работали с утра и до тех пор, пока не стемнело. Еле-еле душа в теле притащилась домой. А тут ещё занятия на завтра готовить. Сейчас уже первый час ночи, руки мои не держат ручки, что хорошо видно по почерку. А посему отправляюсь спать.

Если спишь, то пусть приснится тебе, как мучит меня твоё молчание.

Не надо, милый, не обижайся на глупенькую.

7 октября 1971 года

Ты наверняка заметил, что я нерегулярно заполняю свою тетрадь. Это потому, что дел навалилась туча. Сегодня у нас была первая контрольная. Три дня не могла ни о чём другом думать. Ещё и сейчас дрожу, никак не успокоюсь. Не решила пример. Понимаешь, сижу на контрольной и абсолютно не знаю, как его решать, даже с какого конца начать, как к нему подступиться.

А после контрольной сижу на лекции, слушаю вполуха преподавателя и вдруг поняла, как решается этот злополучный пример. Попробовала, и точно, всё получилось. Обидно. Пример-то пустяковый оказался. Одну-единственную формулу применить надо было. Ой, миленький, тебе же это неинтересно. Ну, не решила и не решила.

Люблю тебя. Хочу сказать тебе это миллион раз и услышать, как бьётся твоё сердце.

А без тебя я превратилась в ужасную молчунью. Что бы вокруг меня ни делалось, что бы мне ни говорили, меня это мало интересует. Живу в особом мире, который сама и создала. В нём только мы двое: ты и я. Думаю о тебе постоянно. Долгое время ты мешал мне заниматься. А

теперь я научилась собирать все мысли о тебе вместе и на время занятий запираю их в самом дальнем углу мозга, потому что выкинуть их совсем, даже на время учёбы, не могу и не хочу.

У нас идёт снег, настоящий, лохматый снег. Это очень красиво — на ещё не успевшую облететь листву деревьев падает белый снег. Жаль, что ты не можешь любоваться им вместе со мной. У меня такое неразделённое чувство теперь всегда. Что-то вижу, слышу, делаю и в то же время сожалею, что ты не можешь разделить мои чувства. Если бы умела, как это умеют писатели, то всё, что меня волнует, всё, что мне понравилось, описала бы тебе в письмах. Тогда бы и ты смог ощутить то же самое. Но ещё не научилась передавать на бумаге свои мысли, настроения, события именно так, как их чувствую. Когда ты был рядом, ты многое понимал без слов.

Я очень-очень мало знаю о тебе. Почти ничего. Какая ты жадина! Ничего мне не рассказываешь про себя.

Ещё не кончила учить английский, а уже первый час. А ты спи.

10 октября 1971 года

Новая тетрадь начинается абсолютно новым событием.

Какие гадкие, подлые люди бывают на свете. Меня, твою Валентину, хотели сегодня «купить» за 10 рублей. Белым днём в центральном парке Москвы — Парке культуры и отдыха имени Горького — мужчина, который мне в отцы годится, предложил «заработать» 10 рублей. До сих пор во мне всё кипит. Противно ощущать себя, своё тело. Стать вещью, товаром! Сашенька, милый, ты даже не можешь себе представить, что я чувствую. Кстати, имя Александр означает — «мужественный», «защитник», «храбрец».

Когда же, когда переведутся пошлость, низость, животные чувства?! Как можно человеку быть рабом своих инстинктов!

Боже, как хорошо было в детстве! Никому до тебя дела нет. А теперь по всякому поводу, с причиной и без причины лезут знакомиться, предлагают «развлекательную» программу.

Никак не могу успокоиться, прийти в себя. Мне нужно отдохнуть, чувствую себя как разбитое корыто. Сегодня воскресенье. Ты в сво-

ей вольной Каменке гуляешь и не знаешь, что здесь за деньги могут предложить. Девушке — за деньги!..

11 октября 1971 года

За что ты обижаешь?

Разве можно приносить такую боль человеку, которого любишь? Всё потеряло своё значение, и осталась только тупая ноющая боль. Может, кому-то покажется это пустяком, подумаешь, пришёл «выпимши» на вечер в школу.

Нет, не подумаешь, нет, не пустяк! Слышишь, ты не смел являться на школьный вечер в мою школу в таком виде. Разве слова, что говорил мне, твои клятвы — всё пустота, ложь? Как мог ты, видя стены, которые видели меня, «яблоньку твою», не вспомнить обо мне.

Ты думаешь, если меня нет рядом, то не больно от твоего поведения? Вспомни, как мы чуть не расстались из-за этого! Целую неделю потом ходил за мной, убеждал, что больше не повторится. Как же сможешь ты теперь в глаза мне смотреть? Моя школа, мои учителя, мои друзья видели тебя в таком состоянии. Думаешь, если не качаешься, то это вполне нормально? Пойми, что для меня легче узнать, что ты другую целуешь, говоришь ей нежные слова, чем жить с мыслью, что ты посмел устроить мне такую гадость.

Я сняла твоё колечко и закинула подальше, чтобы не видеть его. Любить человека — это прежде всего уважать его, думать о нём постоянно, уметь смотреть на себя его глазами, стремиться приносить ему радость.

А если бы я была рядом в тот вечер? Какую «радость» ты мне принёс бы?

Помнишь, как мало вечеров мы провели вместе? Но я всё равно отказалась от одного из них, лишь бы не видеть тебя хоть чуточку, хоть самую малость под хмельком.

Никогда тебя ни о чём не просила, но знай: не хочу ощущать от тебя запаха водки. В тебе, очевидно, мало любви ко мне, что не можешь пожертвовать сомнительным удовольствием — выпить несчастный глоток водки. Или боишься, что ребята засмеют?

Сашка-Сашка, неужели ты не понимаешь, что потеряешь меня, если не усвоишь простой истины: ненавижу я водку.

Есть случаи, когда принято выпивать. Впрочем, и это для слабовольных. Люди с сильной волей умудряются и без выпивки обойтись. А пьяным — на школьный вечер! У меня в голове не укладывается, что это был ты. Не могу и не хочу поверить. А может, всё не так?

16 октября 1971 года

Сегодня суббота. Где же письмо от тебя? Почему оно не пришло, как приходило всегда? Задержалось в пути или ещё не написано?

Пытаюсь найти причину твоего молчания. Незнание хуже всего.

У тебя не было времени написать?

Да не может быть. За целую неделю найти полчаса для письма не проблема.

Забыл, что есть та, которая ждёт твоих писем? Но это тоже невозможно. Друзья и враги не забываются. Любой человек оставляет след в душе другого человека. Это может быть едва заметная зарубка, чёрточка, а может, глубокая борозда.

А что, если ты стремишься забыть?

Заставить забыть совсем тоже невозможно, но стараться, делать всё, чтобы забыть... Нет, нет! Я не верю в такую причину твоего молчания.

Но что же тогда мешает тебе написать? Что?

Так трудно жить с одной этой мыслью, которая не переставая сверлит мозг. Дома родители удивлены моим поведением. Я почти не говорю ни о чём. Мама, конечно, поинтересовалась, уж не больна ли я.

Хочешь, открою тебе небольшой секрет? Сейчас мы живём уже на более или менее постоянном месте. Сменится оно не раньше чем через год. Но я не даю тебе этого адреса. Почему? Да вот как раз поэтому. Не хочу, чтобы другие жалели меня, дескать, бедняжка, столько времени писем ей нет. Забыли, наверно. Не надо мне жалости ни от кого, даже от родителей.

Ты спишь? Пусть приснится тебе сон, что далеко-далеко от тебя не спит человек, которому очень-очень нужны твои письма, ему неуютно и пусто без твоих строчек.

Спи, если можешь, спокойно.

21 октября 1971 года

О, господи! Два, целых два письма! Но моя радость немного поубавилась, когда прочла их. Три недели молчал и думаешь, что так и

надо. Ни строчки о том, что задержало тебя, о причине твоего молчания. Если бы я была чуть-чуть понежнее, помягче, то разревелась бы. Обормот ты несчастный! По-твоему, я бесчувственная, нет письма и не надо? У меня внутри как-то нехорошо, как будто ничего... ничего нет. Даже сердце не стучит, его не слышно. Застыла, как каменное изваяние. Две тёточки шли мне навстречу и так сочувственно посмотрели. Пожалуй, это и вывело меня из оцепенения. Я в большой обиде на тебя.

Не буду тебе отвечать, чтобы ты почувствовал, как «здорово» без писем. Впрочем, тебе всё равно легче, у тебя кругом друзья. Я же себя чувствую, как пересаженный цветок. Всё вокруг чужое.

Может, вспомнишь, я говорила тебе, что становлюсь иногда похожей на ёжика: одно неосторожное движение — и кругом колочки. Много времени пройдёт, прежде чем мои колочки спрячутся, как бы ласково с «ежом» ни обращались. Твои оба письма ласковые, заботливые, нежные, но в них нет главного: почему ты молчал?

Все спят. У меня на столе тихо светит настольная лампа, совсем как в Каменке. Стоит только на минутку прикрыть глаза, и я услышу твой осторожный стук в окно, услышу твой шёпот. Открываю глаза, а за окном только дождь, спокойный, неторопливый, даже немного задумчивый. Потоки воды стремятся вниз по стеклу.

Трудный день сегодня прожит. А сколько их ещё впереди?

Шла сегодня с электрички и думала об одном: скорее бы дойти до развилки, где мы с Генкой расходимся в разные стороны. Генка — это сын маминой подруги. Нам идти, если не спеша, минут десять вместе. Я о тебе думаю, а он идёт и смешные истории рассказывает.

О, какое счастье наконец остаться одной! Никому не надо отвечать, никого не надо слушать, никто не пристаёт с вопросами. Можно посидеть и посмотреть на дождь.

«Дождь всю ночь стучит по крышам, по асфальту и по листьям... Ты грустишь, не зная даже, что грустят с тобою вместе двое за окошком — дождь и я...»

Спокойной ночи, злой-презлой.

1 ноября 1971 года

Два месяца мы с тобой в разлуке. Только два месяца...

Сегодня был коллоквиум по математическому анализу. Оказывается, у нас вся группа нервных собралась. Не сдала треть группы. Сейчас уже не страшно, пошла бы ещё раз сдавать. Пожалуй, это всегда так: первое страшит.

Сдачу коллоквиума необходимо было отметить как первое наше боевое крещение. Закинула подальше учебники и тетради и отправилась в кино. Смотрела новый фильм «Молодые». Он поставлен по роману Александра Андреева «Рассудите нас, люди». Замечательный фильм, заставляющий серьёзно подумать о себе, о своих жизненных устоях. Хочу, чтобы ты посмотрел его, но только не в компании друзей, а один. Он и о том, как трудно понять самого себя, разобраться, чего ты хочешь, к чему стремишься. В жизни нет двух одинаковых путей. Каждый человек должен самостоятельно протоптать свою тропочку. Быть первопроходцем всегда трудно.

Может быть, твоя Валентина не так уж и виновата? Излюбленная тема, опять мы о твоей Валентине. Знаешь, мне кажется, её можно понять. Странно только, что всё, что я узнаю, пытаюсь связать с Валентиной.

Посмотри, пожалуйста, этот фильм.

Не думай, что я никого не интересую, раз у меня нос курносый и полно веснушек. Сегодня за мной парень от самой Москвы увязался. Ехал в метро и так внимательно наблюдал, когда я газету читала. Сажусь в электричку, и он тоже садится рядом и говорит: «Хотите познакомиться?» Мои брови, естественно, поползли вверх, но поскольку он продолжал вопросительно глядеть, мне пришлось заявить категорично: «Нет!» Тогда он попытался угадать моё имя. Гадал всю дорогу, а я серьёзнейшим образом изучала мелькающие огни за окном вагона.

Следующая остановка моя, выхожу в тамбур, и он за мной. Народу на нашей остановке выходит не очень много, да и те разбредаются на разные улицы. Я ему говорю, пусть не выходит вместе со мной, ничего не получится, а он этак нахально заявляет, что хочет проводить меня до дома. Назвала его мечты утопическими. Но он всё равно вышел на моей оста-

новке. Пока шёл спокойно, молчала, но когда начал заниматься трепологией, дескать, с первого взгляда влюбился и т. д., я разозлилась. В общем, дело до милиции дошло. Благо, отделение милиции по пути домой. Интересно, о чём они побеседовали, он и милиционер.

В общем, посмеялась от души. Он мне все удобства обещал: квартира на Ленинском проспекте, ресторан, деньги.

Неужели кто-нибудь согласится?

Моё счастье, что я ещё дома ни на кого не надеюсь и научилась сама себя защищать. Помнишь, ты сказал, что будешь за меня заступаться. Радость моя, если девчонка сама себе не защита, то ей никто не поможет.

Об этой истории никто не узнает, даже ты, тебе своих забот хватает.

Получается, вечер не пропал даром. Лишний раз убедилась, что слушать не из твоих, мой любимый, уст слова любви мне просто смешно. От твоих слов у меня сердце бешено колотилось, кружилась каруселью голова, горели щёки.

Любимый, дорогой, далёкий человек, как ты там без меня?

2 ноября 1971 года

Мама рассказала мне, что ты хочешь уйти в море, чтобы стать увереннее в себе. Ужасно глупо. От себя не убежишь. Зачем что-то пытаться построить искусственно?

Где нет любви, ничего не поможет, а если она есть, то незачем куда-то бежать. Искусственное счастье призрачно, недолговечно. Мне такое не нужно. Радость моя, всё должно остаться по-старому. Если ты полюбишь девчонку лучшую, чем я, — не бойся, я пойму, где настоящее. А если за время разлуки не встретишь девчонки дороже меня, значит, мы будем вместе. Это же наш уговор, ты не забыл его?

Любовь — это не повинность, это жажда быть рядом. Ты ждёшь меня не потому, что обещал, а потому, что иначе просто не можешь.

Вечером Генка вытянул меня погулять. Удивительно, ему двадцать лет, а я чувствую себя рядом с ним старшей сестрой. Не вздумай ревновать, он просто мой друг. Я никогда не буду любить его, но ему сейчас так нужен друг. Ему очень трудно. Не знаю, что и как, но знаю только, что уже год как он расстался с девчон-

кой. И не может забыть её. У него сейчас переломный период, и ему нужно плечо, на которое можно было бы опереться.

Так что выкинь глупые мысли из головы.

Нет, нет, нет... Это невозможно, что ты сейчас подумал.

Ложимся спать, самый-самый любимый мой. Завтра иду за письмом. Если его не будет, трепещи, тиран!

4 ноября 1971 года

Пришло письмо, но не от тебя, а от Олежека. Вот и его девчонка не стала ждать.

Странное явление получается, что чуть ли не каждая девчонка становится неверна, что девчонки не умеют любить и ждать. Почему так? Мне кажется, что в этом виноваты и сами ребята.

Мама гонит спать.

7 ноября 1971 года

С праздником, милый мой мучитель. Где же твои поздравления? Я-то знаю, они придут непременно, только уже после праздника. Хотя моё поздравление тоже опоздает и придёт лишь девятого, так как восьмого, в понедельник, почта выходная. Ждала-ждала твоего письма, но не дождалась. Когда-нибудь из-за моей нелепой гордости случится непоправимое. Если ты обратил внимание, мои письма приходят лишь в ответ на твои. Хотя другим пишу, не дожидаясь ответа. Знаешь почему? Всё не могу поверить, что ты любишь меня. Когда ты был рядом, я это чувствовала в каждом твоём жесте, в каждой твоей улыбке, твоём прикосновении.

А сейчас не верится. Мне кажется, что смеёшься над моими письмами. Вчера мама сказала: «Нужна ты ему. Он парень взрослый, ему жениться пора». Я как-то не задумывалась, что ты действительно уже взрослый и твои друзья женаты. А я до сих пор ещё застываю перед прилавком с игрушками. Давно уже готовлю обед на всю семью, а не могу оторвать взгляд от миниатюрной детской посуды. В моём возрасте девчонки на наряды глядят с таким восторгом, как я — на игрушки. Смехота!

Где-то ты сейчас, мой дружок? Я с утра вместе с родителями была в гостях у родных. Папа с мамой остались — завтра догуляют, а я убежала домой. Мама не хотела меня отпускать: боится

пьяных и хулиганов. Но я её уговорила. Как хорошо побыть одной! Этого почему-то никто не понимает. Мама думает, что мне очень плохо, и стремится развеселить меня. Милая, наивная мамулик! Мне приходится улыбаться, шутить, хотя действительно невесело.

Чтоб не скучать, перечитала письма — и твои, и другие. У меня их собралось уже много. Посмотрела передачу «Праздничный вечер в Останкино».

Уже двадцать девять минут второго (это я на часы посмотрела). Пора ложиться спать. Передо мной две рюмочки, правда, с лимонадом, но всё равно чокнемся. С праздником, любимый!

Я люблю тебя. Но, наверно, не так, как надо, я устроена. Пожалуй, стала скрытная. Мама обижается, что ничем с ней не делюсь. А мне кажется, что если кому-нибудь расскажу что-то о нас, то разрушится нечто огромное, святое, нежное. Чувство любви для меня интимно. Разве то, что касается только нас с тобой, надо сообщать всем? Может, такие мои мысли от моей глупости?

Но неприятно, честно говоря, когда девчонки пишут, что ты им говорил, что собираешься ко мне в гости или что получаешь по два письма в неделю.

Спокойной ночи, только спишь ли ты?..

11 ноября 1971 года

Глупыш мой, как я люблю тебя!

Хочу быть самой-самой красивой, самой-самой умной. Чтобы, когда я пойду рядом с тобой, все оглядывались и завидовали тебе. Сзади меня висит зеркало. Оглянулась: фу, какая физиономия! Ох, и не люблю же я это изобретение человечества! По возможности стараюсь им не пользоваться. Наловчилась причёсываться, не смотрясь в зеркало.

«Я должен рассказать о Рене... Она такая удивительная, такая единственная девочка! Маленькая, тоненькая, как мизинец, целая охапка кудрей. Кудри чёрные, как ночь, и глаза огромные, во всё лицо... А поёт как!» — это из книги, которую я читаю. Называется она «Книжная лавка близ площади Этуаль». О французском Сопротивлении.

«Николь — неуклюжий, как цапля, подросток. Длинноногая, глазастая, непримирима, упряма, порывиста. Взрывается, как мина не

замедленного, а самого молниеносного действия, нападает, горячится. Зато и друг, каких мало, — верный, великодушный, готовый поделиться последним».

А вот мой портрет:

«Низенькая, напоминающая небольшой круглый бочоночек. Ножки, при одном взгляде на которые ребята умирают со смеху, две мышинные, ничем не примечательные косички, глупейшее выражение лица с двумя достопримечательностями, одна — неповторимый нос, другая — густо рассыпанные веснушки».

Что ещё говорят, когда рисуют словесный портрет? Ах да! Бархатистая кожа с золотистым отливом. Продолжу свой: «Ладони, как наждачная бумага, жёсткие и шершавые».

Старалась, но, к моему глубочайшему сожалению, не смогла найти ничего хоть самую малость ценного в себе.

Ещё забыла добавить (это мне мама сказала, когда мерили пальто зимнее): «Плечи широченные, как у грузчика».

К тому же эгоистка, груба и резка.

Оставим эту тему. Интересно, что бы ты сказал, прочтя это описание?

А в Москве снег. И всё, как в сказке, засверкало, заиграло. Снег такой лохматый, растрёпанный, но добрый, нежный, ласковый. Хорошо, стоя под фонарём, поднять голову вверх и смотреть на падающие снежинки. Их видно, только когда они попадают на свет, и кажется, что они рождаются на глазах. У меня появилось какое-то шалое настроение. Захотелось кричать, смеяться, идти и идти, лишь бы не кончался этот волшебный снег. Даже прохожие нарядились в «драгоценности», так и переливаются на свету.

В понедельник будет (слышишь, не должно, а будет) от тебя письмо. Что-то ты ответишь на моё — суматошное?

*То смеюсь, то скучаю,
Невпопад отвечаю
И тебя понапрасну злю порой.
Только не слишком часто
Ты старайся огорчаться, —
Это просто возраст мой такой!*

Хорошая песня, не так ли?
Спи, любимый.

20 ноября 1971 года

Две недели ты молчишь, молчу и я. Но письмо придёт не завтра, так послезавтра. Придёт. Пропадём мы из-за моей никому не нужной гордости. Впрочем, пропаду я, а не ты. Даже мама не может понять меня. Ой, какая я гадкая! Сама же во всём виновата, нельзя быть такой колючей, чужаться всех, огрызаться. Знаешь, что она мне недавно сказала в сердцах, когда очень на меня рассердилась? «Какое счастье, что ты ещё ни одному человеку не испортила жизнь. Хорошо, что он от тебя отказался».

Родная мама, самый близкий человек — и такую обиду нанести! Нельзя быть такой жестокой. Впрочем, поделом мне, не колись. Вечером, когда все заснули, я бродила по улице. Холодный ветер остудил меня, успокоил.

А зря не плачу, было бы легче.

26 ноября 1971 года

Мне восемнадцать лет. Когда-то этот возраст казался недостижимым, каким-то далёким, сказочно прекрасным временем. И вот восемнадцать, но всё по-прежнему. Так же спешат мимо люди, тот же полутуманный день. Не поют птицы, не цветут цветы вокруг меня. Странно, правда? Или это только для меня странно?

Группа подарила огромный букет хризантем. Что ни говори, а приятно. Все поздравляли, улыбались, шутили.

Сегодня была возможность посетить ресторан. Интересно: раз кто-то приглашает, значит, надеется, что соглашусь; значит, другие уже соглашались? Девчонки говорят: а что здесь такого?

В такой день очень хочется получить твоё письмо, а его нет...

Нет, об этом я запрещаю себе думать. А то именины мои в похороны превратятся. Ничего не поделаешь, надо улыбаться и шутить, а то мама начнёт расспрашивать что да как: прислал ли письмо, поздравил ли? Для меня это как рашпилем по груди ездить.

После того, что она сказала, не хочу с ней о тебе разговаривать. Чем меньше будет знать, тем лучше. И лучше бы она вообще ничего не знала. Помнишь, я надулась на тебя, когда мама натолкнулась на нас в тот вечер? Я подобные случаи на всю жизнь запоминаю.

Куча подарков самых-самых разных — от родных и от подружек Алёны и Татьяны, но все бы их променяла на одну-единственную твою открыточку, даже самую плохонькую. Может быть, я ещё получу её?

1 декабря 1971 года

С первым днём зимы!

У нас падают красивые снежинки, узорчатые, маленькие. Сегодня приснился сон. Явление чрезвычайно редкое, потому что сплю без снов. Проснулась под утро от ломоты зубов. Понимаешь, мне снилось, как ты целовал меня до боли, и почему-то больше всего досталось зубам.

Дома тишина, только робкие звуки музыки струятся из приёмника. И снова вспоминается моя комната в Каменке. Тот же полумрак, тот же осторожный свет настольной лампы.

Родители уехали к бабушке, и я осталась одна. Как редко мне теперь удаётся вот так побыть одной, посидеть, помечтать.

В наш век человечество спешит вперёд. Всё трудней и трудней становится задумываться, принимаешь готовые истины на веру, а это плохо, потому что они не прошли сквозь призму твоих мыслей и, значит, недолго удержатся.

Всё меньше и меньше остаётся времени у человека анализировать, что он читает, узнаёт, видит. Сейчас я увлеклась Достоевским. Почему? Сама ещё не знаю. В школе всегда считала, что «Преступление и наказание» — скучнейший роман, скучнее не бывает, а вот перечитываю заново. Странно, не так ли? Раньше даже не представляла, какая я невежда. Что знала я? Ничего. Как много времени ушло впустую! А сколько можно было прочитать, увидеть.

Ну что, упрямец, надоела тебе моя «философия»? Скучно слушать?

Интересно, кто кого переупрямит в этот раз? Впрочем, твоя очередь писать ответ. Жду твоего письма. Так у моря ждут погоды.

Сейчас у нас в институте горячее время — коллоквиумы и контрольные, скоро зачёты. Я занята до предела. Каждая минута на счету. Даже в электричке еду и повторяю пройденное, подвожу итоги, думаю, что ещё надо сделать. Если бы не занятость, было бы очень-очень плохо, во сто крат хуже, чем сейчас.

Уже поздно, ещё почитаю, а ты спи.

5 декабря 1971 года

«Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звёздное, такое светлое небо, что, взглянув на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди?»

«... я целый год была счастлива надеждой; виновата ли я, что не могу теперь вынести и дня сомнения?»

«Однако как радость и счастье делают человека прекрасным! как кипит сердце любовью! Кажется, хочешь излить всё своё сердце в другое сердце, хочешь, чтоб всё было весело, всё смеялось».

«Зачем самый лучший человек всегда как будто что-то таит от другого и молчит от него? Зачем прямо, сейчас, не сказать, что есть на сердце, коли знаешь, что не на ветер своё слово скажешь? А то всякий так смотрит, как будто он суровее, чем он есть на самом деле, как будто все боятся оскорбить свои чувства, коли очень скоро выкажут их...»

«Да будет ясно твоё небо, да будет светла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь ты благословенна за минуту блаженства и счастья, которое ты дала другому, одинокому, благодарному сердцу!

Боже мой! Целая минута блаженства! Да разве этого мало хотя бы и на всю жизнь человеческую?..»

Это из книги Достоевского «Белые ночи».

Раньше я думала, что Достоевский — мрачный писатель. Взять хотя бы «Бедные люди».

«...Варенька, голубчик мой, бесценная моя! Вас увозят, вы едете! Да теперь лучше бы сердце они из груди моей вырвали, чем вас у меня!»

Вся жизнь Макара Девушкина — одни несчастья. Что видел в жизни этот бедный чиновник? Единственная его отрада — Варенька, такая же бедная девушка. Собственно, он и жил для неё:

«Я вас, как свет господень, любил, как дочку родную любил, я всё в вас любил, маточка, родная моя! и сам для вас только и жил одних!»

Он знал, что хотя бы кому-то нужен. И в его жизни, пусть мрачной, несчастной, была цель.

Но эта девушка, жертва условий, в которых она живёт, уезжает. Зачем ему жизнь теперь?

«Белые ночи», казалось бы, тоже трагически кончаются. Настенька не осталась с мечтателем. Но конец сентиментального романа оптимистичен. Мне так видится.

9 декабря 1971 года

Значит, о моём дне рождения ты забыл. Всё правильно, мелочи ты не запоминаешь. Тем более, что о дне рождения мы говорили всего один раз. Немножечко обидно.

С моим совершеннолетием ты меня не поздравил!

С нетерпением жду ответа на моё письмо. Оно, это письмо, очень важно для меня, хочу, чтоб ты понял, чем я больше всего дорожу.

21 декабря 1971 года

Получила сегодня письмо, но не от тебя, а от Алёны. Снова ты был в клубе в «весёлом» состоянии. Не ты ли писал: «И вообще, за кого ты меня принимаешь? Что я, алкоголик?» Больно мне, больно очень, а ты не можешь, нет, не хочешь понять этого. Разве можно любить, ведь говоришь, что любишь, и не стараться приносить радость любимому человеку?

Я чувствую, что ты не любишь, а может, и не любил меня. Мало ли во что может поверить несмышлёная, глупенькая (так ты меня называл) девчонка, если у неё всё впервые. Не думай, что это от Алёнкиного письма. Ты танцуешь с девчонкой, ты провожаешь её домой, даже целуешь, наверно... Но зачем тогда осуждать Валентину свою? Какое ты имеешь право, если сам слабак? А прошло только четыре месяца нашей разлуки.

То, что ты смеёшься надо мной, видно в твоих письмах, а не в том, что пишут мне другие. Ты же знаешь, я никому не верю, никому, только себе.

Человек любит, а любимая далеко. Он тоскует и пишет письма... раз в три недели. Не правда ли, маловато для пылкого влюблённого. Может, он чрезмерно занят?

Да, он несвободен. Надо же каждый вечер в клуб бегать, кино смотреть, а в выходной с друзьями проводить время. Согласись, странно читать в твоём письме, после долгого ожидания полученном, что тебе скучно без меня, что каж-

дый день ходишь в кино. Ходи в кино, на танцы, куда хочешь, но не лги. Тебе не скучно без меня. Вот когда мои родители были в разлуке, мама в неделю по два письма получала. Здесь можно поверить, что папа тосковал о ней, она ему действительно была нужна.

Не верю я в твои слова, не могу, как ни стараюсь. Все мои письма, как мне кажется, вызывают у тебя улыбку, не более. Тебе и без них не худо. Понимаешь ли, что ты слабак. Для тебя и четырёх месяцев оказалось лишку, а если бы два года ждать. Где тебе! И дело тут не в том, что гуляешь с девчонками, а в твоей слабохарактерности. Жалким человеком видишься ты мне, когда читаю твои строки: «Даже если я буду гулять с другими девчонками, то всё равно это будет не то, ты единственная, кто мне нужен». Говоришь мне о большом чувстве, но оставляешь себе «лазейку» для временных вылазок: не дай бог, если молодой человек в расцвете сил будет жить как монах.

Я люблю тебя, и мне смешно смотреть на старание других ребят завладеть моим вниманием. У меня есть ты, единственный мой человек, и поэтому не хочу, заметь, не хочу иных отношений с другими ребятами, кроме дружеских. Ни один из них не может мне заменить тебя.

Хватит. В мыслях сплошной сумбур. Надо вначале с собой разобраться.

26 декабря 1971 года

Последние дни уходящего года. Пройдёт ещё немного времени, и люди будут вспоминать всё хорошее, что было в минувшем году, а невзгоды постепенно забудутся, уйдут в прошлое.

Милый, родной мой, не омрачай последних дней этого года. Не надо быть таким суровым, ты же всегда говорил, что отлично понимаешь меня, разве расстояние помеха тебе? Я же упряма, ни за что не напишу тебе, пока не придёт твой ответ. Даже если буду знать, что всю жизнь придётся жалеть об этом. Даже если ты не захочешь больше знать меня, даже если нам грозит разрыв.

Зачем всё так сложно?

Мне бы сейчас написать всего лишь несколько слов: «Милый, прости, я люблю тебя», и всё станет по-прежнему, снова увижу до боли родной почерк. Это просто.

Но... а вдруг ты не ответишь, вдруг посмеёшься, а вдруг просто сожжёшь письмо, не читая? Как мешают в жизни все эти «вдруг».

Сегодня воскресенье. Где ты, милый, чем занят? Где же письмо твоё?

Я так хочу слушать тебя, целовать твои сильные руки, ерошить твои волосы.

Хотела позвонить тебе на Новый год. Но позвоню лишь тогда, когда получу твоё письмо, да ещё посмотрю, что в нём написано. А то подумаешь, что вешаюсь тебе на шею.

Если не нужна, не заплачу. Да, будет больно, но засмеюсь и скажу, что это была шутка.

Но неужели всё прошло и больше не повторится? И я была только забавой? Игрушкой для развлечения?

Нет, не верю. Я видела твои глаза, когда уезжала. В них словно что-то рушилось, было столько боли, мне хотелось рвануться из автобуса, к чёрту всё бросить, кому оно нужно, если нет тебя рядом!

Знаешь, какой мне представляется разлука?

Сначала это прелестная юная девушка, задумчивая, а потом она стареет, становится ворчливой старухой, безобразной, и нет никакой надежды на будущее.

Но у нас будет не так, ты только люби меня без оглядки, ты только верь в мою любовь. Будет ещё у нас не одна весна, ещё много букетов ты подарешь мне, я так люблю твои букеты. Наша сила с тобой — наша вера друг в друга. Не станет этой веры, всё прахом пойдёт. Любимый, родной, дорогой!..

1 января 1972 года

С Новым годом, мучитель!

Значит, месяц твоего молчания — это даже не удивляет тебя. Чуть не плакала оттого, что нет твоих писем, а ты ангельским голоском вопрошаешь: «Что случилось?» Я задыхнулась от негодования и поскольку держать себя в руках всё ещё не научилась, то весь наш дальнейший разговор превратился в какой-то кошмар.

Я сделала всё, как учил меня папа. Обдумала, о чём буду говорить, всё разложила по полочкам. Но ты перемешал все полочки. Когда ехала домой, благо времени добираться много, заново пережила весь наш разговор. Одни обрывки мыслей мелькают.

Я этого разговора не хотела, потому что письма ты не прислал. Но поступила как безвольный человек. Временами перестаю собой управлять, а корабль, потерявший управление, непременно пойдёт ко дну. Пришла тридцатого на почту, а письма всё нет, вот и потеряла управление. Захотелось, видите ли, послушать голос человека, которому в праздник-то не до меня. Знала же, что гуляешь с девчатами, знала, и всё-таки была где-то надежда, что ты верен мне. Но слова о верности в наше время вызывают улыбку, насмешки.

Да, это старомодно, но думаю, что каждой девушке приятно знать, что руки, ласкавшие её, не касаются других, что губы любимого человека принадлежат только ей, а в глазах его стоит только отблеск её глаз.

И пусть буду старомодной, но я была бы самой-самой счастливой, если бы ты сказал, что я у тебя — одна. Я жадная-прежадная, ни за что не хочу делиться ни с кем. И так твоя Валентина никогда не выходит у меня из головы. Хочу, чтобы, посмотрев тебе в глаза, люди видели моё отражение, а если там не я одна, то уж лучше — без меня.

Дождусь, чтоб до тебя дошло, что никто, слышишь, ни одна девушка, пусть даже она будет лучше меня, умнее, красивее, не будет тебя так любить. Смогу ждать сколько угодно, но пока не почувствую, что ты ценишь мою любовь, не стану твоей. Буду сама по себе.

Ты считаешь меня малышкой, несмышлёнышем. Да, я ещё многого не знаю, не понимаю, не умею. И люблю по-своему. К такой любви ты не привык. К любимому человеку подхожу со строгой меркой. Другому простила бы недостатки, на многое смотрела бы снисходительно. Мама говорит, что ни один парень не станет терпеть моей странной любви и я останусь одна.

Ты избалован девичьей любовью. И мою любовь принимаешь как должное. Дескать, любая девчонка, если только захочешь, будет твоей. Со мной так не получится. Пока не поймёшь, что надо научиться уважать свою любимую, пока не перестану быть в твоих глазах просто забавой, ничего у нас с тобой не будет.

Я очень люблю тебя, а ты всего лишь влюблён в меня, а это ещё не настоящая любовь.

И пусть мне будет трудно, пусть всю жизнь

буду жалеть о своём упрямстве, но только тогда, когда ты не сможешь жить без меня, я останусь с тобой.

8 января 1972 года

Сегодня наблюдала закат. Нет, конечно, не впервые. Но почему-то чувство было такое, как будто раньше смотрела другими глазами. Сколько читала о прекрасных рассветах, а сама смотрела равнодушно. Красиво? Да, красиво. Ну и что же? А сегодня словно проснулась. Нет, рассвет не просто красив, он прекрасен и мелодичен. Он нежный, он застенчивый, он волнующий, трепетный и гордый. Но как взволновал закат! Хочу смотреть на него каждый вечер.

Серая дымка заботливо укутывает дома, деревья. И только закат не желает, гордо отказывается от заботы сонной темноты. Видеть эту борьбу, а главное, понимать её — величайшая радость. Я чуть-чуть прикоснулась к этой радости.

Понимать природу так, чтобы щемило в душе, — это ли не счастье!

9 января 1972 года

Как несправедлива бывает природа! Шевченко прекрасные стихи создавал и был чудесным художником. Какую чарующую музыку писал Скрябин и до последних дней писал стихи. А другим — ничего. Чувствую себя обделённой. До боли обидно мне, что не понимаю музыку. Чувствую себя неполноценной.

10 января 1972 года

Милый, очень надо выбросить тебя из головы. Надо, понимаешь? Но не могу. Ты мне мешаешь готовиться к экзаменам. А экзамен сейчас предстоит самый трудный в этой сессии. Прости мой слабый характер.

Как тоскую по тебе, если бы ты, Сашка, только знал. Смотрю в учебник, но вместо формул вижу твои глаза, доказываю теорему, а слышу твой голос.

Помнишь, когда ты рассказал о своей Валентине, как вы расстались, мне было очень больно, хотелось прижать тебя, защитить, взять твою боль на себя, рассеять твою горечь.

Произношу твоё имя — и ты рядом. Хотя ненадолго, но мы вместе.

И снова расставание, разлука...

Когда уезжала, ещё не знала, что это значит — разлука. А теперь прочувствовала, как жить с мыслью, что не увижу тебя ни завтра, ни послезавтра...

Летом у нас будет целый месяц. Целый месяц! Трудно представить себе такое блаженство. А если что-нибудь помешает встрече? И ещё год не видеть тебя?

Всё, миленький, учу дальше. Не мешай мне, ладно? Спи. Уже поздно, полночь. Как бы узнать, думаешь ты обо мне всегда или только когда письмо получаешь...

Приснился бы, что ли. Даже во снах почти не вижу тебя.

А пластишка новогодняя — на украинском языке. Вспомнилась наша Каменка...

Пишу после перерыва. Уже два часа. Погуляла по улице. Какая волшебная ночь! На фоне тёмных елей — призрачные берёзы. Мороз надел на них прозрачные, воздушные шелка, украсил кружевами.

Милый, как объяснить Володьке, в общем-то неплохому парню, что я не люблю его, нет, не буду любить. Тяжело видеть его распахнутые глаза, в которых таится надежда. Как сделать так, чтобы не нанести ему раны. Он ничего не говорит, но я вижу, чувствую, как он тянется всей душой ко мне. Любовь к тебе сделала меня зрячей, научила беречь души людей. Милый, научи, что делать.

Спим, спокойной ночи.

13 января 1972 года

Знаешь, что пришло мне сегодня в голову? Твоя мама, наверно, ругает меня на чём свет стоит. Если бы не я, как знать, может, ты женился бы уже или дело к тому бы шло. Каждая мама, имеющая взрослого сына, мечтает о милой послушной невестке, о помощнице. Я сегодня целый день под впечатлением от этой мысли. Наивно?

Откуда она знает обо мне? Слухи или ты рассказал?

Отчего так бывает? Ты совсем взрослый человек, много знаешь, всё понимаешь, а я, как слепой котёнок, тычусь, совсем не понимая в жизни ничего. Девчата в институте говорят: ты какая-то не от мира сего, как будто первый

день на свете живёшь, тебя самое элементарное удивляет.

Почему-то чувствую себя сильнее, чем ты. Мне кажется, что смогла бы выдержать невзгоды — и твои, и свои. Понимаешь, мне хочется заслонить тебя, защитить, я даже не знаю пока от чего, но в жизни есть столько мерзости, столько жутких вещей.

Помнишь, ты говорил: «Я теперь ни одной девчонке не верю». История с твоей Валентиной сильно потрепала тебя. Потерять веру в людей, пусть не во всех, а только в слабый пол, — это опасно. Отсюда берут истоки и жестокость, и разболтанность, и пессимизм.

По-моему, без уважения к женщине нет человека. Да, это трудно, несмотря на все бури, устоять, выдержать, сохранить веру в хорошее. Это под силу сильным, мужественным людям. Никогда человечество не будет избавлено от несчастной любви, всегда будет кто-то третий и боль от разрыва с любимым человеком. Ничего не поделаешь, не изобрели и вряд ли изобретут такие машины, в которые заложил информацию о цвете волос, глаз, о характере, привычках человека, и, будьте добры, получите результат: именно эта девушка и этот парень будут влюблены друг в друга и останутся верными своей любви на всю жизнь.

Человек живёт и ошибается, это так и будет. Только люди станут лучше, чище, духовно богаче. Они научатся беречь друг друга. А ещё люди будут честными, это главное.

Это я, называется, к экзаменам готовлюсь. Ну и ну! Сашка, если я провалюсь, будешь ты виноват, учти!

21 января 1972 года

Ни одного письма в новом году. Гробовое молчание. Молчание, от которого веет холодом, безразличием, равнодушием. Молчание, которое более чем странно после нежного письма, дышащего любовью; письма, каждая строчка которого — уверения в любви. Как объяснить всё это, как совместить?

Пишут все, и пишут часто, кроме тебя. Может быть, ты жалеешь о написанном в своих письмах?

Вместо подготовки к экзамену читаю книгу Романа Роллана «Очарованная душа». Это по-

весть о женщине, «которая сама обладает своим миром, которая тоже сама есть целый мир». Говорят, в жизни каждый человек имеет идеал, на который стремится быть похожим. На человека или литературного героя. Ещё не решила, хочу ли я походить на Аннету Ривьер.

7 февраля 1972 года

Дожила! Карандашом пишу. Паста в шариковой ручке закончилась, надо стержень пастой заправить в Москве.

А мне сегодня так тревожно, словно случилось с тобой что-то. Третью ночь вижу тебя во сне, два раза мама будила, чтобы перестала стонать. Родимый мой, не ленись, напиши хотя бы две строчки. Что со мной творится?.. Сама не знаю. Нервы, как струна, напряжены, сама вся пылаю, губы горят. Тоска, хоть волком вой. На минуточку бы увидеть твои глаза, прижаться к ладоням твоим любимым.

20 мая 1972 года

Ко мне в окно смотрит луна. Каждую ночь рядом с ней на небе самой первой загорается яркая звёздочка. Интересно, ты её тоже видишь?

Ну что же ты, дружище, замолк? Или не о чем нам с тобой и поговорить?

Живу, как тот пассажир, что отстал от поезда и никак его не догонит. Где-то сошла не на той станции, все чужие вокруг, все незнакомые.

Стараюсь заставить себя не думать о тебе, измучиваю себя занятиями так, чтобы ни одной лишней мысли не появлялось в голове. Живу, стиснув зубы.

Ты сказал, что не виноват в том, что тебе везёт. Мне тоже не так уж и не везёт. Ребята знакомые — просто чудесные. Но — только друзья.

Ну почему я могу ждать по-настоящему, а ты нет. Ребятам же легче, никто нагло не добивается вашего расположения. Вы же ни одной девчонки мимо не пропустите без комментария.

Эх ты!

6 июня 1972 года

Вот и всё. Словно чудесный сон. Был — и нет. Ты приехал и уехал.

Сашенька, любимый, я уже соскучилась.

Хочу видеть твои глазоньки, хочу быть рядом. Хочу ссориться и мириться, хочу видеть, как ты любишь меня. Теперь мне гораздо труднее. Изо дня в день я жила, стиснув зубы, запрещая себе малейшую слабость, нытьё. Рядом с тобой немного оттаяла, и снова мороз.

Словно на дереве, разбуженном весной, проснулись, рванулись к свету ростки любви к тебе, и вдруг — холод. И опять нужно росткам свернуться и ждать.

Ждать, ждать, чтобы снова увидиться мельком, второпях, не успев ни о чём поговорить толком, не успев наглядеться. И опять ожидание.

Неужели ты спишь уже спокойно? Слышишь, как я тоскую, словно птица в клетке, у которой отобрали свободу и лишили настоящей жизни.

Всё время наших встреч у меня не проходила мысль, что руки, ласкавшие меня, ещё сохранили тепло чьих-то плеч, а губы любимого хранят ещё чей-то трепет. Я злилась, но ничего с собой поделаться не могла. Эта мысль отравляла все наши встречи. Было совестно за такие мысли, я гнала их, но они настойчиво лезли обратно.

Видишь ли, до сих пор для меня загадка: как это — любить одного, а целовать другого?

Да как бы руки мои поднялись обнять другого, если в мыслях у меня только ты? Неразрешимая загадка. Ведь и ты не забываешь меня, я в этом уверена. Когда рядом другая девчонка, наверняка сравниваешь меня с ней, значит, помнишь. Но это не мешает тебе целовать других?! Тут что-то не так, чего-то я не понимаю. В чём же радость целовать одну, любя другую? Разве есть такая радость? А может, это от самолюбия, дескать, вот я каков, сколько у меня девчонок — целуй любую. Может, это позволяет гордиться собой?

Я тоже не святая и тоже стала испытывать чувство удовольствия и радости, если на меня обращают внимание, если кто-то пытается добиться моей благосклонности. Что ни говори, а приятно сознавать, что не такая уж и уродка, чтобы никто не увлёкся. Могу пошутить, посмеяться, поговорить, сходить в кино, в театр, но о чём-то большем у меня даже и мысли не возникает.

Вот и прошёл первый день нашей новой разлуки, долго ли ещё она продлится?

Спи, мой любимый, мой дорогой человек, хотя ты и не очень ценишь меня.

12 июня 1972 года

Сашка, не могу себе представить, как ты можешь выдержать неделю и не написать письма. Неужели тебя не тянет рассказывать мне обо всём?

Я на всё смотрю так, как будто мы вдвоём, чувствую твоё плечо рядом. И что бы ни делала, на всё смотрю как бы со стороны твоими глазами: так ли сделала, а как бы ты к этому отнёсся. Разве так бывает?

Иду по улице и вижу: мальчишка плачет, а парень прошёл мимо совершенно равнодушно. Знаю, что ты бы так не прошёл. И я не прошла.

Иду дальше и вижу: стоит парень, волнуется, по нему видно — девчонку ждёт, но без цветов на свиданье пришёл. Про нас с тобой делаю вывод: а ты бы без цветов не пришёл.

Увижу, как пух с тополей летит, словно волшебный снег, ловлю себя на мысли, что очень хочется рассказать, как люблю цветущий тополь. Ну прямо как в песне:

*И что бы я ни делала,
И что бы ни надела я,
И с тобой, и без тебя —
Это только для тебя!*

Раньше я смеялась: как это за минуту с любимым отдать всё, пожертвовать всем. Теперь мне далеко не смешно.

Ой, как трудно учить физику, когда все думы о тебе.

Пришли письмо, недогадливый.

16 июня 1972 года

Раньше была уверена, что сила воли у меня есть. Оказывается, это был самообман, жалкое утешение, дескать, если надо, то смогу, а пока можно делать как хочется, а не как надо. И вот результат — не могу осилить физику. Отлично понимаю, что не имею ни малейшего права не сдать физику. Минимум — на «4», иначе стоило тогда идти на физический фа-

культет! Чуть не реву, а задачи не получаются. Окончательно уверовала, что не смогу их осилить. Злюсь на себя и как только не называю, ничего не помогает. Вот как без силы воли. Я же себя уважать не стану, если не выполню программу-минимум. Да как в глаза посмотрю тебе, родителям, подругам? Ой, батюшки, срам-то какой!

Ты, наверно, скажешь: «Я же говорил, что физика не для девчонок» или что-нибудь в этом же духе.

Ну нет, спать не буду, все мысли посторонние запрещу, а докажу себе: что-нибудь да стою, иначе грош цена мне. Уже учу.

21 июня 1972 года

Ну прямо как Гамлет: «Быть или не быть?» Сегодня я ещё человек, а завтра уже ничтожество. Сегодня ясно поняла, что знаю одну соотую от того, что нужно. Милый, как нужна твоя поддержка, твоё плечо. Обидно, что ты этого не понимаешь.

Итак...

22 июня 1972 года

Четвёрка. Но это меня не радует почему-то.

23 июня 1972 года

Милый, почему молчишь? Чувствую, что-то случилось. Иначе ты бы ответил на мои два письма.

Неужели всё ещё не понял, что люблю тебя по-настоящему. Хотя что это значит «по-настоящему»? Это как? Разве есть любовь не по-настоящему?

Интересно, откуда возникло слово «любовь»? Кто был первый, произнёсший это слово? Кому первому оно было сказано?

Сегодня спорила с ребятами из МВТУ им. Баумана. Почему-то все стараются доказать мне, что я идеалистка и что жизнь не так уж хороша, как мне кажется. Да, я согласна с ними, в жизни, в людях, во всём ищу хорошее. Ведь оно есть в каждом. Просто это не каждый видит. Просто плохое быстрее бросается в глаза. Мне кажется, только влюблённый видит любимого человека таким, какой он есть. Другим многое в нём не видно. Я не отрицаю, что существу-

ют пороки различного рода. Но ведь не это главное.

А ещё нужно быть оптимистом и всегда говорить правду. Сейчас стало в порядке вещей делать вид, что так и надо, а потом по уголкам вздыхать, что мир близится к катастрофе.

Ну вот, расфилософствовалась. Слово-то какое длинное!

Эй, человечисше! Ну мыслимое ли дело столько молчать!

24 августа 1972 года

Сашенька, что же случилось? Столько времени нет от тебя ни строчки, а я спокойна, «как пульс покойника», не мечусь, как прежде, не переживаю.

Эту тетрадь я давно не брала в руки, но это не значит, что не думала о тебе. Наоборот, передумала очень много. Мне даже кажется, что я повзрослела и поняла одну страшную вещь — я обманывалась сама и невольно обманывала тебя. Не было ничего, была лишь девичья грусть и тоска длинными одинокими вечерами. И было очень больно, когда поняла это. Две ночи подушка моя не просыхала от слёз. Во мне появилось такое отчаяние, что я просто впивалась зубами в подушку, накрепко закусывала губы. Знаешь, у меня теперь такое чувство, словно я бежала, бежала, а позади меня возникала пропасть, и не было дороги назад. Впереди же всё туманно и неясно. Пусто и холодно. Будто всё уже прожито и дальше жить неинтересно...

Ты не подумай, что я нытик. Это я на минутку расхныкалась. Придёт день — и снова упрямо сожму губы, чтобы идти по дороге, название которой Жизнь.

Да, это будет трудно, но без трудностей ничего не бывает. Главное в жизни — *честность, прямота и вера...*

* * *

Вот и поставлена точка в дневнике первокурсницы. В дневнике девушки из семидесятых прошлого века. В нём осталось достаточно много чистых страниц. Их ни разу с тех пор не коснулись ни шариковая ручка, ни

карандаш. Что-то закончилось, и началось другое, не перешедшее в строчки девичьего дневника.

Прошла целая жизнь. У нашей героини наверняка появились и дети, и внуки. У каждого есть те, кто приходит на смену. Даже если это не свои дети и внуки, это всё равно те, кто приходит на смену. Мы никогда не узнаем, кто конкретно вынес дневник в качестве мусора. Выносят — ставшее ненужным. А кому — это, в общем, не так уж и важно.

Если вы, уважаемый читатель, дочитали дневник до конца, значит, в нём не всё устарело, а может, нашли что-то такое, чего не стоило и не стоит «выбрасывать» никогда, «так как только влюблённый имеет право на звание человека». Вот и вспомнилась строчка Блока из его прекрасного стихотворения.

И вы наверняка обратили внимание на длительный перерыв в записях: с 7 февраля по 20 мая 1972 года.

Во второй тетради недоставало полутора десятков листов. Были они вырваны чистыми для написания писем или автор сознательно их уничтожил — остаётся только догадываться. Может быть, Володька сумел подыскать ключик к отзывчивой и смятенной душе своей однокурсницы, и она, как героиня «Очарованной души» Аннета Ривьер, пожалела влюблённого в неё юношу.

Не могу этого утверждать. Героиня дневника, судя по её невольному «автопортрету», лишь с отчаяния могла решиться на такой шаг. Но мы не вправе судить её за это. Так бывает, когда девушка с чистой душой, не видя влюблёнными глазами заурядности своего избранника, вдруг прозревает от какого-либо его «ужасного» поступка. И хорошо, если это происходит вовремя, а не поздно, и не наносит непоправимой травмы.

Не знаю, что было с Валентиной дальше. Из оставшихся чистыми листов второй тетради выпал обрывок бумаги со своеобразным адресом: «12 палата». Почерк на нём был другой...

Поэтому есть ещё одна версия длительного молчания — нервный срыв. Наверно, Валя сумела всё же справиться с горечью разочарования в любимом человеке, окончила вуз и стала хорошей учительницей. И не только по выб-

ранному предмету — физике, но и по жизни для своих учеников и особенно учениц...

Поначалу эти девчоночьи переживания почти полувековой давности не сильно меня увлекли — не детектив и не роман с необузданными страстями. Но всё же захотелось узнать, чем всё закончится. Строчки дневника напоминали давние письма, что по глупости от юношеского максимализма в пылу пережитой обиды отправил в костёр на берегу полноводной реки, где я ждал парохода. И, как оказалось, навсегда попрощался с юностью.

Теперь дневник стал не нужен и мне, он как будто только и ждал человека, который отнимет «аромат у живого цветка» (опять Блок). В дневнике не найти мудрых мыслей, принадлежащих автору, становящихся афоризмами, спутниками на всю жизнь. Но в его наивных, местами неуклюжих строчках сохранилось что-то из мира свежего, как дыхание весны, как робкий девичий поцелуй, со своей тайной, своим единственным и неповторимым ароматом, которые скрыты до поры до времени в не лопнувшей клейкой древесной почке, в готовом раскрыться цветке.

Автор писал его для себя.

Ещё и поэтому я бросаю дневник в костёр, как и тогда, стоя на берегу полноводной реки.

Страницы вспыхивают, и налетевший ветер последний раз перелистал их, невольно раздувая беспощадное пламя.

Но строчки, теперь уже повести, надеюсь, напомнят кому-то, как и мне, о нежном, красивом чувстве, которое, как бабочка, как мотылёк, перелетает с цветка на цветок и называется первой любовью.

И у цветка начинается новая жизнь — *vita puova*.

А пока — лепестки ещё не оборваны... Они ещё даже не распустились.

□

Юрий Михайлович МАКСИН

родился в 1954 году в Вологодской области.

Окончил Московский государственный педагогический институт.

Работал педагогом, журналистом.

Поэт, прозаик.

Автор семи книг.

Публиковался в журналах «Москва», «Наш современник»,

«Юность», «Север» и других.

Член Союза писателей России,

Союза журналистов России.

Живет в городе Устюжне Вологодской области.

